

Татьяна Хрисанфова

Зеленые яблочки

Татьяна Хрисанфова
Зелёные яблочки

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Хрисанфова Т. А.

Зелёные яблочки / Т. А. Хрисанфова — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Действие происходит в начале прошлого века. В родной хутор со службы возвращается молодой парень Егор. На посиделках он встречает Дашу и влюбляется в нее. Спустя некоторое время он решает жениться. Сбыться планам влюбленных не суждено. Егора заметила дочь богатого мельника, не знающая отказа в своих желаниях. С помощью ворожбы, она принуждает Егора жениться на ней, сделав несчастными троих людей. Не смотря на жизненные перипетии, Даша и Егор проносят любовь через всю свою жизнь, хоть и не суждено им прожить ее вместе. Автор картины на обложке: Кондратенко Гавриил Павлович (1854-1924) "Зимний вечер".

© Хрисанфова Т. А., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Зеленые яблочки.

Моей бабушке, Пудовкиной Марии Николаевне, посвящается.

– 1 –

Волчица, выдерживая небольшое расстояние, трусцой бежала за маленькой девочкой, идущей по белой, укутанной снежным покрывалом степи. Она не приближалась близко, но и не отпускала далеко неожиданную и непонятную добычу. Нападать не решалась: слишком необычным было существо, словно шарик, катившееся по заснеженному полю. До нее донолся человеческий запах, но был он тонкий, едва уловимый, перебиваемый запахом парного молока. Словно по степи вышагивал только что народившийся теленок. Многолетний опыт подсказывал, что телята пахнут иначе, да и не бывают так закутаны. А этот шарик был завернут с головы до ног в большой серый платок поверх неприглядной шубейки. Маленькими валенками он отмерял расстояние от деревни, где за околицей его и заметила старая хищница. И хотя расстояние от деревни до хутора, куда держала путь добыча, было неблизким, так и не решилась напасть. Иногда девочка останавливалась и, обернувшись, тоненьким голоском произносила, – Собачка, иди домой, а то замерзнешь.

Утомленная неблизкой дорогой волчица приседала на едва заметной тропинке, прислушиваясь к человеческому голосу, но как только добыча трогалась с места, медленно вставала на подкашивающиеся ноги и бежала, боясь упустить ее из вида. Голод напоминал о себе урчанием и спазмами в пустом желудке. После пойманного позавчерашним утром зайца, не удалось добыть ничего. Была она старая, умудренная нелегким опытом выживания в степи, в прошлом – вожак стаи. Теперь же, сама покинув свою стаю, жила в полном одиночестве, добывая себе пропитание. Делать это становилось с каждым днем всё труднее. Крупная добыча теперь уже и не снилась в беспокойных звериных снах, мелкие же зайцы отнимали все оставшиеся еще силы, петляя по бесконечной степи, заваленной белыми сугробами. Теперешняя нерешительность обернулась неудачей. Легким дуновением ветерка до ее чутких ноздрей донесся едва уловимый запах дыма. Перейдя через замерзший ручеек, девчушка повернула на переметённую снегом дорогу у подножия высоченного холма. За тем холмом, волчица знала, есть человеческое жильё. Широкая, наезженная санями дорога, огибая гору, постепенно поднималась вверх, туда, где могли быть люди. Не смотря на это, она упрямо семенила за ребенком. Голод заглушал голос разума, но разум, еще не заглушенный голодом, запрещал нападать на пусть и маленького, но человека. Наверху, за вершиной, расстилалась необъятная плоская равнина. Показались соломенные и камышовые крыши небольшого хуторка, состоящего из нескольких аккуратных крестьянских хаток, сложенных из самана и беспорядочно разбросанных в степи. Каждый домик окружали занесенные теперь снегом, почти по самые макушки, плодовые деревья, да обнесенные плетнями огороды. Ограждения напоминали о себе лишь одиноко торчащими из сугробов кольями. В некотором удалении от домов стояли сараи, так же по самые крыши заваленные снегом. Подходы к ним были прокопаны в высоких сугробах.

– Вон и дом мой, – обрадовалась девчушка, – там тепло! А ты тоже беги к себе, – обернулась она к преследовательнице.

Но та, непонятно на что надеясь, назад не повернула. Присев на дороге, не мигая долгим желто-зеленым взглядом смотрела на девочку, словно сожалев о своей нерешительности. На тропе, ведущей к домам, показался высокий, худой мужчина, закутанный в овчинный тулуп, видимо ожидавший девочку. Едва увидев ее, мужик ускорил шаги.

– Папа! Папа, – закричала обрадованная дочь, – а меня собачка провожала.

Заметив зверя, мужчина беспомощно огляделся в поисках хоть какой-то палки. Но вокруг, сверкающе-слепящей синевой, поблескивал снег. Оставалось только сожалеть, что под рукой нет даже плетня, из которого можно было бы выдернуть кол. Волчица, чувствуя свое превосходство, медленно и даже нехотя, повернулась и не оглядываясь затрусилась в обратную сторону.

– Совсем не бояться! – возмущенно пробурчал запыхавшийся мужчина, приблизившись к дочери. Он взял ее на руки и с сожалением смотрел вслед удаляющемуся зверю. Подошедший в это время от крайнего дома сосед тоже оказался с пустыми руками.

– Эх, берданку бы! – с сожалением воскликнул отец девочки

– От голода это они, – равнодушно махнул рукой сосед, – вон у свояка в деревне крышу раскопали на катухе, да овец порезали – мало в этом году зайцев, мор на них по осени был, вот и ищут добычу. А ты бы не отпускал Анютку одну-то к бабушке, – посочувствовал он. Старая зверюга, осторожная, вот и не напала. Не ровен час на стаю нарвется...

Они медленно подходили к жилью. На улице было холодно: пар клубами валил изо рта, намерзал на усах, инеем оседал на бровях. Отец чувствуя себя виноватым прижимал дочь к груди и на справедливое замечание соседа ничего не ответил.

– Ишь, морозяки какие! Давно таких не было – все так же спокойно продолжал рассуждать сосед.

Незаметно подошли к белой хате, крытой камышом. Из под белого покрова едва виднелись окна, разрисованные узорчатым инеем. Из дверей высунулась непокрытая головка молодой девушки. Она увидела подходивших и позвала: «Отец, иди обедать, тебя только ждем».

Хозяин повернулся к соседу и его маленькой дочери:

– Пойдем с нами обедать, Харитон. Анютка тоже голодная, поди. Шутка ли: из деревни пешком! Мои бабы нынче вареники лепили.

Дочка украдкой бросила красноречивый взгляд на отца. Тот, заметив его, согласно кивнул головой.

– Можно, конечно, ежели вареники. У нас некому их лепить. Нюрка когда еще научится, – оправдывался он.

Окутанные морозным облаком ввалились в натопленную избу, внося за собой клубы холодного воздуха.

– Ну, мать, встречай гостей, – снимая с себя овчинный полушубок, приговаривал хозяин. В доме было тепло, чисто и уютно. Хозяйка дома, дородная немногословная женщина, стояла возле большой русской печи и не торопилась навстречу незванным гостям. К девочке бросилась их дочь, худенькая, опрятно одетая девушка. Она начала развязывать пуховый платок и поворачивать гостью во все стороны, освобождая её от бесчисленных одежек.

– Замерзла совсем, Анютка! – тормошила она девчущку, растирая ей щеки и озябшие ручки. Та стояла спокойно, глядя на девушку и принимая ее заботы. Во взгляде ее читалось чувство обожания этой красивой тоненькой девушкой.

– Да вот, из деревни пришла, от бабки. Не сидится ей, – оправдывался за девочку отец. – Волчица за ней увязалась – развелось их в этом году...

– Разве можно одну отпускать? – строго перебила его хозяйка, повернувшись от печи, – не ровен час, наткнется на чужака или на тех же волков...

– Какие в нашей глуши чужаки? – усомнился ее муж. Скорее волки порвут, чем чужак у нас появится.

– Так вот – без матери, – с тихим сочувствием покачала головой женщина. Но ее слова были услышаны тем, кому они предназначались. Пришедший сосед нахмурился и, ссутулившись, присел на край лавки, стоящей у стола. Привлеченные разговором из горницы вышли пожилые родители хозяина дома.

– Об чем спор? – спросил дед Василий, старик с белой седой головой и такой же белой аккуратной бородкой.

– За стол пора, – не дала продолжить разговор суровая сноха. – Никого ждать не будем больше. Она имела ввиду не явившихся к обеду сыновей. Любила хозяйка в доме порядок и послушание. Все в деревне знали, что Катерина держит свою семью в «ежовых рукавицах», даже муж побаивался ее крутого нрава. Тем более, что по сравнению с супругой, он был щуп-

ловат, а ее руки, привычные к тяжелой крестьянской работе, могли залепить такую затрещину, что мало не покажется. Позволяла себе Катерина такие меры воспитания не только для детей, но и для подвыпившего муженька. Оправдывайся потом перед деревенскими, почему в доме баба верховодит! Деревенские вездесущие кумушки, обсуждая Катерину, говорили, что ухваты и чапельники сами по ранжиру выстраиваются, стоит только той к печке подойти, да бросить на них свой строгий взгляд. Даже своенравная свекровь – бабка Авдотья – опасалась лишней раз поперечить строгой снохе, хоть и было ее любимым занятием вступать в любой разговор.

Хозяйская дочь быстро раскладывала на столе деревянные ложки. Катерина сама поставила на стол три глиняные миски с густыми, исходящими паром, щами. Харитон жадно втянул ароматный запах. Уж что-что, а готовить Катерина умела лучше всех в хуторе, да что там в хуторе, и в деревне тоже. Одинок жившему с детьми Харитону, готовила приходящая из деревни мать. Но пожилая женщина приходила редко. Кашеварить Харитон так и не научился за время своего вдовства. Варил только кашу, да и та вечно пригорала. Теперь, при виде наваристых щей, у него, что называется, «потекли слюнки». За столом рассаживались молча. В это время, видимо вспомнив об обеде, в дом ввалилась весёлая ватага, состоящая из трех молодых ребят. Двое были почти одинакового роста; третьему, видимо, последышу, было лет шесть-семь. Войдя, они сразу присмирели, увидев, что семья уже сидит за столом. Могло статься и так, что строгая мать не пригласит за стол нарушителей семейных устоев. А садится без ее приглашения никто не решился бы. Зыркнув на сыновей взглядом из под бровей, мать коротко бросила: садитесь. При посторонних она не хотела устраивать скандала. Одного ее слова было достаточно, чтобы пришедшие парни, толкая друг друга, мгновенно уселись за стол. Сестра подала им ложки. В деревне было принято, чтобы женщины полностью обслуживали мужчин. Когда хозяин садился за стол, женщина сама нарезала хлеб, подавала ложки, солонку, полные миски. Ставила на стол самовар. Мужчина же при этом не мог вмешиваться, как считалось, в бабские дела. Мужские дела были за порогом дома.

Все, сидящие за столом, молча перекрестились.

Дед Василий вполголоса прочитал молитву и первым опустил свою ложку в дымящуюся миску. Ели молча. Щи из одной миски хлебали сразу несколько человек. И лишь гостям поставили миску на двоих. Харитон ел жадно, набирая в ложку, что погуще. Анютка же выжеживала из миски забеленную сметаной водичку.

– Ты погуще бери, – наставлял ее отец, – таких щей когда еще похлебаешь?

Катерина искоса с жалостью поглядывала на гостей.

Лука и Иван, хлебавшие из одной миски, не поделив кусок баранины, завозились, исподтишка толкая друг друга локтями. Выразить свое неудовольствие вслух никто из них не решился.

Отец тут же строго глянул на них: – А ну тихо!, – приказал он.

Братья сразу присмирели, никому не хотелось вылезать из-за стола, если вдруг мать заметит их препирательства. Но Катерина нашла другой повод для недовольства. Она бросила суровый взгляд на дочь. Та моментально вскочила и стала убирать пустые миски. Вытерев со стола крошки, она поставила на дощечку огромную жаровню, наполненную зарумянившимися утопающими в желтой сметане варениками. Воодушевленные видом сковороды и исходящим из нее сладким запахом, сидящие дружно потянулись к жаровне. В деревне было принято есть много. Для жизни, наполненной каждодневным трудом, требовались немалые силы. Катерина покачала головой, осуждая дочь, не успевающую вовремя подать кружки. Поднявшись из-за стола она стала наливать в глиняные кружки крутой взвар, как называли в деревне сваренный из сушёных фруктов и ягод напиток. Девушка тут же подскочила с лавки и кинулась ей помогать. Сидящие за столом почувствовали себя свободнее. Теперь можно было перекинуться словечком.

– Снега вон сколь навалило, – начал разговор дед Василий, – весна, похоже, будет поздняя.

– До весны е-щ-ё-ё – зима только началась, – перебила его вечно перечившая супруга.

– И-и-х, Авдотья, – вздохнул дед, – вот ты так всегда, лишь бы поперек.

– Очень вкусно, тетя Катерина, – подала голос Анютка, – даже бабушка так не стряпает. Растроганная хозяйка погладила ее по голове:

– Пей, моя хорошая, да вареники ешь: они вон какие сладкие. Быстро опустевшая жаровня напомнила гостям, что пора бы и честь знать.

Харитон положил ложку на стол: – Спасибо за хлеб-соль! Лучше тебя, Катерина, никто не готовит! Однако пора нам. Засиделись!

Анютка понимавшая отца с полуслова, тут же вскочила с лавки и кинулась за своей шубенкой.

– Даша, – посмотрела она на хозяйскую дочь, ты моей Маньке юбочку сошьешь?

Та улыбнулась: – Конечно, приходи вечером.

Проводив соседей, женщины убрали со стола, и Даша начала мыть посуду. Младший брат – Санька – крутился возле нее, в надежде узнать планы на ближайший вечер. Сестра и братья по вечерам уходили в деревню на посиделки. Слово для них пять верст не были расстоянием. Да еще и по такому морозу. Лучше бы сидели дома. С братьями в карты можно поиграть. Мать да бабушка каждый вечер ставят прялку около печи, да начинают прясть, носки вязать, или ткать холсты. Отец вечерами занят по хозяйству: валенки подшивает, сбрую чинит. У детей быстро дырки на подошвах появляются. Пока одному подошьешь, у другого уже прохудились. В большой семье всегда найдется неотложная работа. Дед, тот всё старые газеты читает. До хутора они доходят поздно. Пока местный лавочник, выписывающий их, прочитает, да потом, с оказией, передаст деду на хутор, все, что там написано, уже не интересно становится. Жалко, что дед в карты не играет, считал внук. А местные новости можно узнать и у колодца в деревне. Причем самые свежие.

– Ну что: пойдете сегодня на посиделки? – притворно-равнодушно вопрошал Санька, пытаясь по глазам сестры угадать ее настроение.

– Наверное, – неохотно ответила Даша, – если Лука с Иваном соберутся. В том, что старшие братья соберутся идти в деревню, Санька не сомневался. Они каждый вечер, как только стемнеет, начинали собираться. И главное: ни мать, ни отец не отговаривали их. Как будто не боялись волков степных или людей лихих. Глушь все таки кругом. С недавнего времени на посиделки зачастила и единственная сестра. Родители смотрели на это сквозь пальцы. Вся деревенская молодежь ходит на посиделки. Пусть люди посмотрят на их дочь, глядишь, и посватается кто путевый, а может и кто побогаче. Были в деревне и такие немногочисленные женихи. Дочь уж больно хороша. Одни косы чего стоят. Так и тянут голову назад. А длинные-то: ни у одной девки в деревне нет таких волос.

Отец с дочерью по протоптанной тропинке шагали домой.

Нерадостно было на душе у Харитона. Чему радоваться? Нетопленной печи или пустым кастрюлям? После женитьбы пришлось ему с молодой женой переехать на хутор. Не захотел он жить с родителями. Тем не особо пришлась по душе его Тонька. Хотели они совсем другую девку засватать сыну, но тот заупрямился. И пошли в семье нелады. Потерпев, молодые решили отделиться, обзаводиться своим хозяйством. Поначалу все складывалось, жили не тужили, добро наживали. Через год родила его Антонина дочь. Прошло еще два, и жена умерла при очередных родах, оставив ему сына. Мальца забрала к себе мать Харитона, жившая в деревне. Анютка полюбила младшего братишку и теперь ходила в деревню и зимой и летом.

Отец иногда брал мальчика к себе, но особой любви к нему не испытывал, в душе считая, что если бы не сын, жива была бы любимая жена, и все было бы хорошо. Не надо было бы стирать самому, стряпать невкусные щи или кашу. Антонина – баба работающая была – кругом

успевала: и по дому, и со скотиной управлялась. Осталось теперь хозяйство на плечах Харитона. Приходилось держать даже корову. Доил ее сам, затемно пробираясь в сарай, чтобы не видели вездесущие соседи. Хотя те сочувствовали ему и снисходительно относились к тому, что мужик правит сам относящиеся к бабским дела, он всё же стеснялся, и считал зазорным для мужика напяливать платок на голову. Иначе не отдавала Майка молоко, хоть сколько дергай за вымя. Однако без коровы-кормилицы в деревне невозможно прожить. Последнее время мать сильно хворала: было ей тяжело углядеть за трехлетним ребенком. Вот и ходила Анютка в деревню нянчить брата, да помогать бабушке, хотя самой ей шел всего шестой год. Но детей в деревне рано приучали к работе. Огород прополоть, бросить корма цыплятам, нянчиться с младшими, полы подмести. Анютку жалели и на хуторе, и в деревне, сочувствовали и Харитону. Вдовствует мужик уже три года. Пора бы забыть свою Тоньку, да найти себе подходящую жену, а для детей заботливую, пусть хоть и мачеху. Зато присмотрены будут, накормлены. Приглядывают, конечно, за детьми соседи. Дашка вон души не чает в Анютке, да и Ванятку, при случае, с рук не спускает. Но разве она заменит взрослую женщину? Да и невестится начала девка, на посиделки зачастила.

Мысли в голове Харитона роились, накладывались одна на другую.

Не нравились ему местные вдовы, не мог он еще забыть своей жены. Хоть и не красавица она была. Некоторые сплетницы даже утверждали, что у его Тоньки глаза вытарашенные. Но Харитон не замечал этого.

– Вон и у Дашки глаза как два блюдца, – подумал Харитон, – так все считают ее красивой. – Хрен поймешь сплетниц этих, – усмехнулся он. – Да и не всякая пойдет на двоих детей.

Харитон горестно вздыхал. Надо было подумать об ужине.

Зимой рано темнеет.

Жители деревни, повечеряв да посидев: кто около горевшей на столе свечи, а у кого достаток побольше те и возле керосиновой лампы, ложились спать. Ведь вставать приходилось рано. С рассветом бабы начинали стряпню, а мужики выходили на баз, управлять скотину. В каждом дворе были и овцы, и коровы, почти у всех были и лошади. Без лошади в деревне пропадешь. Поле засеять – надо кланяться соседу или идти на поклон к мельнику. У того и лошадей много и семенами одолжит. Только по осени половину урожая заберет.

На хуторе жили, в основном, обеспеченные крестьяне. Назвать богатыми их было нельзя, но и не бедствовал народ. Хлеба хватало до нового урожая, и по весне сеяли своим зерном. Семьи все были работающие, потому и жили с достатком. Даже налоги платили исправно.

Маленький этот хутор, основанный прадедом Даши, располагался на бескрайней равнине, защищенной огромным холмом.

Рассказывали жители, что прадед Федот, обидевшись на своего отца при дележке хозяйства между сыновьями, ушел из дома. При этом он ничего не принял от родственников, как ни уговаривали его впоследствии.

Вышел из избы, да и пошел, куда глаза глядят.

Завели его не то глаза, не то затаенная обида, далеко за околицу, потом за огороды, где картошка посажена. Миновав луг, он вышел к маленькой рощице, раскинувшейся в небольшой балочке у ручейка. Журчащий ручеек не остановил мужика, одолел его вброд, благо вода доходила чуть выше колена.

Обогнув высоченный холм и поднявшись наверх он ахнул.

Повсюду, насколько хватало взгляда, цвели полевые лазоревики. Были они бордового цвета и напоминали скорее пятна крови на зеленом бескрайнем поле. Небольшой ветерок шевелил цветы и, казалось, что наклоняясь друг к другу они перешептываются, увидев незнакомца.

У мужика, и без того мечтателя в душе, перехватило дыхание.

Федот сдернул шапку с головы и в сердцах бросил ее на землю: вот тут и буду строиться! Лучшее место для жилья трудно было себе представить.

Со стороны деревни, защищенная высоким холмом, расстилалась бескрайняя степь.

Можно было распахать огороды, посадить сад, да и сена было где накопить.

Здесь и решил он поставить свой дом.

Деревенский сход разрешил Федоту строиться.

Места много, кругом степь.

Вода, правда, в вырытом колодце была солоноватой, но со временем к ней привыкли.

Хутор тот назвали по имени основателя: Федотов.

Да только со временем прилипло к имени еще одно название: Лазоревый. Уж так буйно по весне цвели лазоревики вокруг.

Федот, как приезжал в деревню, так и перевозносил до небес те цветы, рассказывая, как цветут они по бесконечному полю до самого горизонта. Вот и прозвали прадеда: Федот Лазоревый. Прилипнув однажды, название иногда живет в веках.

Так и тут: в хуторе давно новые хозяева, а называется он по-прежнему: Федот Лазоревый. Строил свою хату прадед сам, да жена помогала месить глину с соломой. Из высохшего самана они складывали стены. Зиму провели в землянке. Братья приезжали, уговаривали да увещевали, обещали помощь, предлагали денег.

Гордый мужик был неумолим.

После этой стройки, надорвавшая здоровье жена его начала болеть. Так и не оправившись от своих болезней, она первой открыла хуторское кладбище.

К тому времени сыновья выросли и сами устраивали жизнь.

Через какое-то время прадед, отделив троих сыновей, построил им такие же саманные хаты на отдальках от своей. Хаты эти утопали по весне в цвету яблонь, вишен и слив.

Самый младший и любимый сын, так уж получилось, жил с отцом. Хутор разрастался медленно. Внуки не хотели жить в такой глуши, переезжали в деревню, поближе к людям. Желających переселиться из деревни оказалось немного. Хотя и были таковые. Чаще всего те, кто не уживались с родней.

Каждое воскресенье хуторяне ходили в деревню в церковь, да изредка на неделе бабы собирались в лавку за продуктами, которые не могли произвести в своем хозяйстве. Соль, сахар, спички, селедку, городскую мануфактуру покупали бабы в лавке у местного лавочника.

Такие посещения деревни были редкими.

На хуторе сеяли лен, теребили его, да долгими зимними вечерами ткали на станках холсты, как для домашнего пользования, так и на продажу. Холсты охотно покупали на осенних и зимних ярмарках в уездном городке. Для домашнего пользования ткань красили, кто чем мог. Шили из них рубахи мужикам, да немудреные наряды бабам.

- 2 -

На посиделки в деревне собирались в хате вековухи Августины. Жила она со своим отцом. Замуж ее никто не взял – некрасивая была девка, лицо у нее оспой прихвачено. Да и приданого за ней мало давали. Вот и обходили ее дом женихи.

Августина на жизнь не обижалась. Была она приветливой женщиной, закутанной в белый, в мелкий цветочек батистовый платок, закрывавший лицо. Немного суетливой, но молодые девчата ее любили: умела она хранить их сердечные тайны. Не обижались на нее и парни. Она никогда не ругала их за горы оставленной шелухи от семечек. Лишь изредка ворчала. Вот и собиралась молодежь в ее доме. Передняя была большой, места хватало всем. Обстановка, как и во всех домах в деревне, была не затейливой. Вдоль стен тянулись широкие деревянные лавки. Около печки стояла большая деревянная кровать. Рядом находился длинный обеденный стол, окруженный с двух сторон некрашеными лавками. Обычно за столом парни играли в карты, а девчата, сидя на таких же лавках вдоль стены, вязали носки или серые пуховые платки.

Посиделки были не просто местом, где можно скоротать вечер, но и местом, где парни и девчата друг к другу приглядывались. Где можно было перекинуться с понравившейся девушкой парой ничего не значащих слов, чтобы определить: нравишься ли ты. Потом уже ухаживать или быть отвергнутым.

В этот вечер девчата загадочно улыбались и перешептывались, ожидая прихода вернувшихся с «действительной» служивых. Парни же спокойно играли за столом в карты. Молодежь постепенно заполняла комнату.

Даша, румяная с мороза и возбужденная, резко дернула дверь за ручку и почти влетела в дом Августины.

Братья всю дорогу от хутора до деревни задирали ее снежками. Она же, увертываясь от их метких рук, бежала почти всю дорогу. И теперь, запыхавшаяся, переступила порог.

Хозяйка сразу кинулась помогать. Не успела Даша расстегнуть шубейку, как Августина уже стащила ее с плеч, развязала платок и аккуратно положила на другие шубы.

Улыбаясь, Даша пригладила волосы перед маленьким зеркальцем, висевшим над умывальником.

– Опять, ироды, загнали девку – незлобиво возмущалась Августина, – садись, лапушка, отдохни. У-у-у жеребцы! Силы вам девать некуда, – ворчала она, неодобрительно поглядывая на вошедших вслед за Дашей Луку и Ивана. Но те спокойно раздевались у сундука, не обращая внимания на ворчание хозяйки. Знамо дело, тетка Августина всегда Дашку защищает.

Августина любила Дашу и выделяла ее среди других девчат. Своих детей у нее не было, и ее трогательная забота о чужом ребенке удивляла деревенских кумушек.

Раздевшись и положив свои полушубки на стоящий у порога сундук, парни прошли к столу. Усевшись на свободные места, стали присматриваться к игре. Даша, согрела руки о бок горячей печки и села на лавку к подвинувшейся подруге Глашке. Та ревниво оглядела подругу. Даша всегда одевалась аккуратно. Все ее наряды были украшены затейливой вышивкой или отделаны рукодельным кружевом. Вот и сейчас на ней была цветная кофточка, застегнутая на маленькие ярко-красные пуговицы. На вырезе кофточки были пришиты красивые кружева, похожие на весенние лазоревики. Подол серой юбки украшали голубые вышитые незабудки. Отец любил единственную дочь и, конечно, баловал ее, покупая готовые наряды, красивые бусы, серебряные сережки, несмотря на недовольство своей супруги.

Многие деревенские девчата завидовали Даше. Да и было чему. Она была самой красивой девушкой в селе: даже старики, встречая ее, в восхищении качали головами и причмокивали беззубыми ртами, стараясь выпрямиться и горделиво протрусить мимо.

Даша достала фартук и повязала его на талии. Только после этого стала вязать шерстяной носок. Глашка, наклонившись к ее уху, уже нашептывала последние деревенские новости. Набрав в легкие побольше воздуха, она собиралась поразить подружку последней вестью, о которой перешептывались местные девчата. Но не успела.

В открывшуюся дверь без стука ввалились двое замерзших парней. Лица их были красными от мороза. Неловко перетаптываясь у порога они озирались в поисках знакомых лиц. Было видно: давненько они здесь не бывали. Сидящие на лавках девчата прятали улыбки и разглядывали их исподтишка. Гостеприимная хозяйка пришла на помощь.

– Чего стали около порога, как будто забыли совсем мою хату? – громко упрекнула Августина пришедших.

Увлеченные картежники, наконец, оторвались от игры и тоже уставились на пришедших. Даже азартные игроки отложили карты и наблюдали за ними. Всем было интересно посмотреть на вернувшихся с «действительной» службы. Какими они стали после долгого отсутствия? Исправила ли армия непутевого балагура Никитку? А всегда серьезный Егор, может, научился улыбаться? Или опять слово из него не вытянешь? Девчата разглядывали новых парней исподтишка. Раздевшись и преодолев первое смущение, парни прошли на середину комнаты. К ним

тут же подскочил один из картежников, еще несколько ребят вскочили с мест. Начались рукопожатия, похлопывания по спине.

Парней усадили на лавку около стола в ожидании рассказа о нелегкой службе.

Никита, польщенный вниманием молодежи, приосанился, огляделся вокруг: все ли внимательно слушают и начал рассказывать о муштре на плацу, об отцах-командирах, пекущихся о служивых, о житье-бытье вдали от родной деревни.

Деревенские парни слушали, не сводя любопытствующих взглядов с рассказчика: ведь многим предстояло пройти все это. Отслужившие, но еще не ожившиеся парни, молча усмехались в усы. Уж больно складно все получалось у Никиты.

Егор, в отличие от друга, сидел молча, изредка покачивая головой и усмехаясь, когда друг начинал плести небылицы. Истопившийся запас приготовленных заранее баек да молчаливый друг, сидящий рядом и не особо поддерживающий его, охладили пыл рассказчика. Никита заерзал на лавке, в поисках поддержки, может у кого вопрос назрел. Но публика постепенно теряла интерес. Парни потихоньку перекидывались картами, девчата сидели, уткнувшись в свои бесконечные вязания. Тут Никита вспомнил о непростительно забытом гостинце для девок, купленном в уездном городке. Любил Никита привлекать к себе внимание, да так, чтобы потом говорили о нем в деревне. Вот и теперь, рисуясь, он стукнул себя по лбу, как будто вспомнив о чем-то очень важном.

– Егор, ты чего же сидишь? – громко обратился он к другу. Тот вопросительно поднял глаза.

– Мы же девкам гостинцы принесли, нешто забыл? Посмотри, какие девки без нас выросли: прямо цветочки степные, не чета городским!

Егор, подошел к сундуку и достал, из под наваленных на него шуб, большой кулек, свернутый из коричневой магазинной бумаги. Кулек поменьше извлек оттуда же Никита. Развернув бумагу, они подошли к девчатам.

– Эх, красавицы, отложите свои бесконечные носки, да варежки, принимайте городские угощения, пряники сладкие, конфетки яркие! – Никита опять был в центре внимания.

Смущенные девчата переглядывались, подставляя ладошки. Не каждый день приходится принимать угощения.

Егор, черпая ладонью из кулька, сыпал конфеты в подола притихших девчат. Никита оделял их пряниками. Девчата, жеманясь, принимали неожиданные подарки.

– Ты поменьше захватывай, медведь, – урезонил Никита друга, – так всем не хватит. – Погляди, сколько девок подросло, пока мы армейскую науку проходили.

Егор оделял девчат, сидящих на краю первой лавки.

Сдобная девка Парашка, жеманясь, отстранила его руку:

– Зачем так много? Мы тех конфет наелись уж, чай не бедные.

Егор поднял на нее глаза. Он вспомнил, что это дочка мельника.

– Надо же, как вымахала, – подумалось ему. Он помнил многих девчат и парней, здесь присутствующих, еще подростками.

– То ли время летит, то ли мы изменились – после отлучки всё другим кажется, – подумал Егор. По приезде ему показалась маленькой родная деревня, а уж родная изба, до горечи в горле, была мала и примитивна. После города, в котором они служили с Никитой, его широких улиц, огромных домов, порой даже в несколько этажей, соборов, златоглавых церквей, мощных улиц, даже казарма казалась хоромами по сравнению с деревенскими домиками.

Мать обиделась на него, когда он поделился впечатлениями после приезда.

– Век так жили, сроду в городе не была и не поеду.

Но теперь, глядя на девчат, Егор немного расслабился. Местные девчата показались ему привлекательнее городских. По крайней мере, красивее. Он перешел на другую сторону горницы и начал раздавать гостинцы сидевшим на второй лавке девчатам, которых еще не успел

рассмотреть. А посмотреть было на кого: все крепкие, розовощекие. «Правильно мать говорит: на такой женишься – горя знать не будешь, и детей здоровых нарожает и хозяйство обиходит. Чего еще мужику надо?» – Вот такие мысли витали в голове присматривающегося к девочкам Егора. Но случайный взгляд, брошенный на сидящую рядом с крепко сбитой подружкой девочку, напрочь выбил хозяйственные мысли из головы парня. Ноги вдруг не захотели слушаться хозяина и сделать шаг в ее сторону. Сердце екнуло и провалилось вниз. Непослушными пальцами он захватил пригоршню конфет и протянул девушке: угощайся. Голос изменил ему, прозвучав слишком хрипло. Дыхание перехватило. Раньше Егор не встречал таких девчат.

Две длинные косы, перекинутые со спины на грудь, были пушистыми, и цвет их был необычен. Темно-каштановые они, в свете стоящей на столе лампы, отливали золотистым блеском. Девушка подняла огромные зеленые глаза, обрамленные темными густыми и такими длинными ресницами, что они касались прямых темных бровей.

– Ишь, глазищи-то! Как листва ранней весной, – тут же отметил про себя Егор. Розовые губы, уголки которых были немного приподняты, отчего казалось, что улыбка не сходит с этого нежного лица. Нижняя губа, слегка оттопыренная, напоминала капризного младенца. Немного удлиненное лицо с легким румянцем на щеках цветом напоминало дикий степной шиповник. Смотрела она слегка удивленно, а в глазах было такое добродушие, казалось: никто и никогда не обижал ее, а она верила, что этот мир – ласковый и добрый. По сравнению с другими девочками, она была худенькая или скорее тонка в кости, как говорили о таких в деревне.

– Откуда взялась такая? – пронеслось в голове Егора. Уж слишком нежна она была для деревенской непосильной жизни. Как назло, Егор не мог вспомнить: чья она дочь.

– Ты чья? – спросил он, чтобы не молчать, а еще, чтобы никто не заметил его замешательства – ведь засмеют потом. Разум на минуту покинул его, и Егору, вдруг до боли, захотелось прижать ее к груди, так чтобы хрустнули ее тонкие косточки, чтобы она задохнулась от его объятий. Целовать ее улыбочивые губы, чтобы ее тонкие руки обнимали его, запутались бы в волосах....

Она улыбнулась:

– Мамкина да папкина.

Егор сыпал конфеты ей в подол, – угощайся!

Девушка засмеялась:

– Зачем так много?

Остановившая его она положила свою ладошку на его руку. Егора окатило горячей волной. Еще ни одна особа женского пола так на него не действовала.

– Ну и никогда прежде не встречалась такая, – подумал он, с неохотой перейдя к другой девушке, так как сзади его подталкивал раздающий пряники Никита. Городские гостинцы достались всем, конфетами оделили даже лежащего на печи деда, немного разочаровав его. Он ожидал, что приехавшие поднесут рюмашку.

– Сахару меньше уйдет с чаем, – решил практичный дед, – тоже польза.

Вечер проходил незаметно, вот уже освоились и недавние гости. Никита с азартом проигрывал отцовские медяки. Егор тоже проигрывал, но такого азарта, как у друга, не испытывал. Он был полной противоположностью беспокойного и неугомонного Никиты. Иногда Егор, исподтишка, бросал взгляд на сидевшую среди подруг Дашу. Ему хотелось, чтобы первое впечатление, произведенное ею, ушло. Хотелось оглянуться и увидеть Дашу такой же, как и все сидящие в горнице девчата. Тогда можно бы было выказать ей свое внимание. Впечатление необычности делало ее такой недосыгаемой, такой невесомой. Казалось: дотронься до нее, и она исчезнет, упорхнет; нельзя дотрагиваться до нее такими большими, мозолистыми руками.

– Такие только для принцев! – с горечью подумал Егор, – хоть бы раз глянула в мою сторону!

Молодежь расходилась с посиделок. Кто-то уходил по одиночке, кто-то, не стесняясь, уводил девушку. Такие пары должны были или скоро пожениться, или все к тому шло. За отношениями между молодыми людьми наблюдала вся деревня. Было неприлично просто так показывать их на людях. Вот если посватался, тогда никто не осудит, коли молодые вместе появятся где-нибудь в обществе. А если дело до того не дошло, тогда только тайные встречи. Неписанные деревенские законы старались соблюдать, дабы не стать добычей сплетниц.

«Сестра, домой пора!» Услышал Егор сбоку от себя строгий голос какого-то парня. Он бросил взгляд в ту сторону. Рядом с Дашей стоял высокий парень, очень похожий на нее.

Даша неохотно подняла голову:

– Иду, иду.

Видимо забыв про конфеты в фартуке, девушка резко поднялась, и яркие обертки оказались у ее ног. Егор привстал со стула, ему хотелось кинуться к девушке, помочь. Но стоящий рядом брат остудил его пыл. Осуждающе посмотрев на сестру, Лука опустил рядом и стал собирать в ее сложенные лодочкой ладони рассыпанные конфеты. Другой брат держал шубку, добытую из-под кучи полушубков и шубеек.

Егор смотрел на них и, видимо, пропустил свой ход, потому что Никита уже теребил его:

– Ты не уснул, полчанин? Твой ход, не то быстро «дураком» будешь.

Егор нехотя бросил карты:

– Пошли на воздух, покурим.

Никите надоело играть, он тут же вскочил, быстро раскопал полушубки, и друзья вышли на улицу. Даша со своими братьями уже отошла на некоторое расстояние от дома. Смеясь, они перебрасывались снежками, и догоняли друг друга.

– Ее братья не дадут и подступиться, – с горечью подумал Егор. Никита, поёживаясь от мороза, свернул сигарки из местного табака. Егор чиркнул спичкой и яркий огонёк осветил довольное лицо друга.

– Хорошо дома, правда? – толкнул Егора в плечо неумный Никита. – А ты смурной чего-то? В город опять хочешь? По муштре скучаешь? А я наслужился! – продолжал Никита, – погуляю, присмотрюсь, да и женюсь на самой красивой из деревенских. Знай наших! Или нет! Сначала к Парашке подкачусь. Мать говорит: за ней мельницу дают. Вот это – невеста! – мечтательно улыбался Никита. Егор взглядом провожал уходящую девушку и ее братьев. Веселая толпа вышла на дорогу, ведущую к хутору.

– Так вот откуда она, – понял Егор. Теперь было понятно, почему не мог вспомнить: чья она. Хуторские в деревне появлялись редко. Он припомнил, как, однажды, подростками, они с Никитой в Рождество пошли на хутор христомлавить. Зажиточные хуторяне оделили их монетками, пряниками да конфетками. А тетка Катерина, мать этой девчонки угостила пышными пирожками. Довольные они выходили из хутора. И тут им вслед понеслась припевка, выкрикиваемая тоненьким девчоночьим голоском:

– Чашки, ложки, чугулки. Кисляньские ребята – дураки.

Вслед за ними бежали двое мальчишек и девочка, выкрикивающая деревенскую дразнилку. Девчушка была мала ростом, а волосы ее отсвечивали радостным солнечным светом. Брат, чуть повыше ее, молча поглядывал на чужих, не решаясь дразнить. Между деревенскими и хуторскими не было особой дружбы. Но и спорить с такой малявкой они не стали. Никита лишь притопнул на нее ногой и, не оборачиваясь, друзья пошли своей дорогой. У мужиков дела поважнее есть, чем обращать внимание на такую пигалицу. Теперь Егор удивлённо смотрел ей вслед. Вот тебе и малявка, вот тебе и пигалица. Когда успела так похорошеть?

Несколько дней мела метель, заносила, и без того белую, бескрайнюю степь. Сыпала пригоршни снега, набирая снежинки в свои огромные ладони и, завертевшись как юла, раздувала их во всю мочь своих необъятных мехов. Оттого вся степь была неровной: где-то видно черную замерзшую кочку земли, а рядом: нанесенный вьюгой белый сугроб, высокий,

как скирд соломы, оставленный с осени в поле. Занесла метель и ручеек за хутором, и тропинки, проложенные до деревни. Стоял теперь хутор, отрезанный от всего мира, засыпанный до самых крыш. Откапывали хуторяне друг друга каждый день, потом сообща откидывали снег от сараев, прокладывали тропинки до общественного хуторского колодца. В сугробах прокапывали ходы, чтобы добраться до соседей.

Бабка Авдотья, стоя у плиты, пекла пирожки. Печка была давно протоплена, лишь под таганком тлели тонкие лучинки, изредка подбрасываемые бабкой. На табуретке расположился дед Василий, распуская березовую чурку на белые лучины. Он аккуратно складывал их в стоящий рядом старый таз. Сноха не терпела беспорядка, да и сам дед был большим аккуратистом. Бывший поп: он никогда не курил, не произносил непотребных слов. Не ругал детей. Самое большое ругательство, которое дети когда-либо слышали от него было: «ах, анчутки вы этакие». Даже выкрутасы стропливой жены вызывали у него лишь легкое неодобрительное покачивание седой головой. Все в семье знали, что дед, несмотря на свое крестьянское происхождение, учился в семинарии. Успешно закончив ее, служил в приходской церкви. Прихожане души не чаяли в своем духовнике – отце Василии. И даже бабка Авдотья успела побыть попадшей. Чем она очень гордилась. Но не долго. Отец Василий по характеру прямой и честный человек, высказал свое мнение об одном высшем церковном чине. Слова свои забрать назад не захотел, извиняться не стал, считая себя правым. Ему намекнули, что если отец Василий не укротит свою гордыню, он может лишиться сана. Отец Василий, тогда еще молодой человек, гордый да горячий, не смог укротить свою гордыню, а подал прошение о снятии с него сана. Просьбу быстро удовлетворили. И оказался отец Василий сосланным на далекий хутор. Поселился в отцовской хате. Нельзя сказать, что отец был доволен возвращением сына, на которого возлагались большие надежды. Ведь не каждый в деревне такой умный, чтобы в семинарии учиться. А у Васьки тяга к учебе еще в деревенской школе обнаружилась. Не было ему и пяти лет, когда Васька, напялив вместо штанов, отобранных матерью за уход без спроса из дома, материнскую длинную кофту, убежал в школу. Молоденькая учительница сажала его на последнюю парту, чтобы не мешал. А он каждое утро упрямо убежал за своими братьями в деревню, словно пять верст в один конец не были для него изматывающими. Родители смирились. Братья стали по очереди возить его на плечах, сменяя друг друга на неблизкой дороге. Да и было за что. Он быстро усвоил решение задачек. Учительница посоветовала родителям не забирать его из школы.

– Он очень способный мальчик. Надо отправить его учиться в город, – говорила она.

В город Ваську отправили. У отца – Федота Лазоревского – были деньги на его учебу. К тому времени он обжил свой новый хутор и, как говорится, крепко стал на ноги. Земля, черная, как по весне прилетевшие грачи, давала хорошие урожаи. Жена, еще не сломленная болезнью, нарожала сыновей. И вот младшенький, самый любимый оказался и самым способным. Только способный Васька, однажды приехав домой, объявил, что поступил в семинарию. Отец был разочарован его поступком. Федот надеялся, что умный сын разбогатеет в городе, станет уважаемым человеком. Ведь деревенские тоже не лыком шиты. А там глядишь и денежки, вложенные в его ученье, вернет, приумножив конечно. Но надежды родителя не оправдались. И умный сын с семьей вернулся на тот же хутор, с которого когда-то уезжал с надеждой на лучшую долю. Независимый характер не всегда способствует продвижению. С тех пор бывший поп жил затворником. С хутора никуда не выезжал, даже в церковь. Отец Никодим не раз отчитывал его в своих проповедях, приводя пример бесконечной гордыни. А дед Василий молчком читал религиозные книги, да приносимые из деревни газеты. И даже со своими родными был не многословен. Вот и теперь он степенно строгал лучинки, думая о чем-то своем. Подошедшая сноха заглянула через плечо бабки Авдотьи:

– Мамаш, пирожки-то бледные совсем, вы бы подкинули лучинок.

Бабка Авдотья, фыркнув, бросила ухват, которым придерживала сковородку. Молча полезла на печку. И уже оттуда, отвернувшись к стене, пробурчала: вот и пеки сама. Не выдержав, все же свесилась с печки: не угодила, ты посмотри! – уже громче возмутилась она. Дед, молча созерцавший такую картину и давно привыкший к выкрутасам жены, покачал головой и тяжело вздохнул. Для Катерины такие выпады свекрови тоже не были неожиданными. Она подбросила дровишек под таганок, огонь весело накинулся на неожиданную добычу. Пламя поднялось, и масло в сковороде тоже зашипело веселее. Пирожки зарумянились, покрываясь аппетитной розовой корочкой. Катерина споро снимала их со сковороды. Стоящая у стола Даша уже подносила на доске новую партию пухлых пирожков.

– Катерина, – обратился дед к снохе, – пусть из детей кто отнесет пирожков Петру. У них ведь некому их испечь.

– Да я против, что-ли? – в сердцах она кидала пирожки в шипящее масло. Лицо Катерины покраснелось. Она не была жадной, но заботы свекра о семье старшего сына, воспринимала, как обузу для своей собственной семьи. Приходилось и хлеб печь для них, да и делиться, пусть и не последним, но все же куском. То блинов им отнеси, то вот – пирожками поделись. Она и сама бы послала кого-то из детей к деверю, а свекор только подлил масла в огонь своей просьбой.

– Ну ко, Дарья, оденься, да сходи к дядьке, отнеси пока теплые, – недовольно обратилась Катерина к дочери. Даша посмотрела на стол, где лежало подошедшее тесто. Надо было лепить пирожки, не то тесто опадет. Да и мать одна вряд ли справится у плиты, ведь не осталось налепленных пирожков. Бабка Авдотья не слезет теперь с печи до вечера, не станет помогать.. Но перечить матери не стала. Катерина, посмотрев на стол и, увидев там лишь неразделанное тесто, приказала: да не долго там! Помогать некому.

Даша и сама не собиралась задерживаться в гостях. Она боялась сумасшедшей тетки – жены Петра. Прошел уже не один год с тех пор, как она, по мнению деревенских, стала дурочкой. – Да еще хорошо, что спокойная, – сочувствовали местные кумушки, – чего бы мужик делал, ежели бы буйная была? И так неотлучно сидит с ней. Достается мужику.

Петр сам стирал, убирал, даже варил. Но вот хлеб испечь он не умел. Приходилось мириться с недовольными катериниными взглядами, принимая испеченный ею хлеб. Но румяные круглые хлеба стоили перенесенных унижений. Хлеб у Катерины был самым вкусным в деревне. Умела она и за тестом уследить, чтобы не перестоялось, и огонь в печке поддержать, чтобы не подгорели караваи.

Даша завернула горячие, только снятые со сковороды пирожки в чистую белую тряпицу и, одевшись, вышла из сеней. Яркое солнышко, соскучившееся по людям, словно заигрывая, бросило ей в лицо ослепительно желтые лучи. Даша улыбнулась, посмотрев на небо. Она была рада и закончившемуся, наконец-то, затворничеству, когда даже просто выйти из дома – большая проблема, не то чтобы сходить в деревню, и улыбающемуся ей солнцу. Сугробы не казались уже такими непреодолимыми. По вырубленным дедом в снегу ступеням она поднялась из своего двора наверх. Еле заметная тропинка вела к колодцу. Похоже, Харитон рано утром ходил за водой. По этой тропинке Даша, напевая и подпрыгивая, побежала к видневшемуся невдалеке дому дяди. Никакие заботы не могли омрачить ее веселое настроение. Душу переполняли вполне земные чувства, она любила и свою строгую мать, и строптивую бабку, и вечно молчащего деда, особая любовь у нее была к отцу. Впрочем, было у них это чувство обоюдным. Отец тоже души не чаял в единственной дочери. Она всегда становилась на его сторону, когда отец приходил выпивший от Харитона или, когда привозил его неменяемого из деревни мерин, изучивший характер хозяина... Лошадь сама довозила его бесчувственное, иногда, тело до дома. Даша помогала отцу слезть с телеги, с помощью братьев или матери дотаскивала его до постели. А когда по утрам мать начинала очередной скандал, Даша приносила ковшик с рассолом, отвлекала разговорами порой разъяренную до кипения мать. Катерина на дух не

переносила пьяного мужа. Была бы ее воля, она прибила бы его сковородкой. Но Даша всегда оказывалась перед ней, стоило только той подумать о сковороде или об ухвате. Даша рассмеялась своим мыслям. Так с улыбкой она и вошла в сени избы своего дяди. Обмахнула валенки комолым полынным веником и звонко прокричала, взявшись за дверную ручку:

– Хозяева, гостей ждете?

Переступив порог в клубах пара из жарко натопленной комнаты, она оказалась в просторной передней. Около облупившийся печи сидел дядя и чинил конскую сбрую.

– О, Дашуха, проходи, раздевайся! – обрадовался он.

Даша не спешила раздеваться, – я не надолго, – оправдывалась она, – вот пирожков вам принесла. Маманьке помогать надо, не всё еще перепекли.

Она подняла глаза, почувствовав тяжелый взгляд.

С печи на нее смотрела жена дяди – Лиза. Окинув Дашу бессмысленным взглядом, она перевела взгляд на мужа.

– Лиза, это – Даша, Мишкина дочка, ты же ее помнишь? – ласково заговорил с ней Петр. С печи донесся довольный голос жены: да, да, Да-ша. И тут же худая рука задернула занавеску. Петр глянул на Дашу: – Ты уж, племянница, не обижайся.

Даша топталась на месте, не зная как себя вести.

– Дядь Петь, побегу я, а то мать заругает. Она взяла пустую миску и холстину, в которых принесла пирожки и, попросившись, направилась домой. Лизку Даша помнила бойкой бабой, та никогда не уступала своей, вечно недовольной, свекрови – бабке Авдотье. Могла дать отпор даже строгой Катерине. На всех гулянках слышался ее звонкий голос: Лизка была редкая певунья. И вот такая веселая женщина в одночасье стала не похожей на саму себя. Стала заговариваться, не признавала даже собственных сыновей. В деревне сразу пустили сплетню-догадку, что это Агафья, жена мельника, своими наговорами свела с ума бабу. Поговаривали, что в молодости нравился ей Петр. Он и сейчас был завидным мужчиной. Высокий, с копной выющихся темных волос. Едва заметная седина в шевелюре придавала ему солидности, синие глаза свели с ума не одну деревенскую девку. Сыновья деда Василия были точной копией его самого, и лишь последний, Михаил, был щупловат, как говорят: поскрёбыш. Но Петр выделялся даже среди своих представительных братьев. Немногословный, как и отец, он словно тайну в себе носил. Вот и тянулись к нему девки. Агафья не была исключением. Провожал ее Петр до дома, да только не обещал ничего. Молчал как обычно. Агафья, однако, в его молчании слышала гораздо больше, чем он сказать хотел. Ждала, что предложит замуж за него выйти. Ждать предложения ей пришлось недолго. Только не от Петра. Приглянулась она богатому мельнику. Родители, не раздумывая, отдали дочь замуж. Но с тех пор затаила Агафья обиду на Петра. Почему не посватался? Почему отступился? С тех самых пор и стали говорить об Агафье, что переняла она колдовство от умершей бабки Колотилихи. Та помирать собралась, да не тут то было. Кричит, а дух испустить не может. Хотели люди отца Никодима позвать, чтобы исповедалась. Какое там! Колотилиха, услышав о попе, позеленела вся и запретила в церковь идти. Поняли люди: помочь надо. Трубу в печке разобрали, чтобы колдунья не маялась, а она все никак. Руку тянет да показывает, что пожать ее надо. Кто ж на такое решится. Тут Агафья подвернулась. Взяла ее Колотилиха за руку и, тут же, спокойно дух испустила. Передала колдовство значит! А Агафья в колдунью превратилась. Все из-за неразделенной любви.

Поговаривали, что Агафья в кошку черную превращается, да коров всю ночь доит. Утром хозяйки не могут ничего сделать со своими буренками: нет молока, хоть тресни. Кто-то верил, кто-то не верил. Да только дыма без огня не бывает. Сопоставляя события, кумушки, подмечали: с мельничихой лучше не спорить. Поругавшиеся с ней, то руку сломают на ровном месте, то скирды соломы сгорят, то в хозяйстве ущерб начинается. Гуси, куры передохнут ни с того ни с сего. Петра она не трогала, даже привороты не сделала на него. А ведь могла! Иначе отомстила обидчику колдунья. Достала она своим колдовством Лизку. Из певуньи, да говоруньи

превратилась та в дурочку. Не узнает никого, не помнит ничего. Возил Петр жену в уездную больницу. Доктор только посмотрел на нее, сразу велел домой вести. Не лечат таких. Возил и по бабкам. Те шептали над ней, воск лили в воду, велели ту воду пить. Петр соблюдал все их распоряжения, но улучшения не наступило. Так и сидела теперь Лизка на печи, не признавая никого, кроме своего мужа. Словно Агафья специально подстроила, чтобы Лизка улыбалась своей бессмысленной улыбкой только Петру. Даша не догадывалась о перипетиях прошлого. Ее душу еще не задело вечное чувство, погубившее так много людей во все времена, с тех пор как они познали это необъяснимое чувство.

– 3 –

Метель занесла не только хутор. Деревня тоже утонула в сугробах. На занесенной дороге, изредка, можно было увидеть запряженные сани или идущего человека. Обиходя хозяйство, все стремились в теплую хату, поближе к печке. Семейным людям только и остается в стужу дома сидеть. То ли дело – молодежь! Никакая теплая печка не может удержать на месте. К вечеру, несмотря на мороз и вьюгу, девки и парни, вприпрыжку бежали на посиделки в дом Августины. Там всегда было весело. Неразлучные Никита и Егор, подходя к дому Августины, видели в окно, освещенное керосиновой лампой, собравшихся.

– Эх, сейчас Федора в картишки обнесу! – потирал руки беззаботный Никита, в предвкушении выигрыша у увальня Федора. Они ввалились в комнату, принеся с собой свежий морозный воздух, моментально охвативший холодом сидевших с краю лавки.

– Быстрее двери закрывайте!, – заверещали девчата, притворно поёживаясь.

– Не бойтесь, девки! Не замерзнете, – тут же пообещал Никита, – а тех, что замерзнут, согрею. Быстро сняв полушубок, подсел на край лавки и приобнял сидевшую там девушку. Та отбивалась, но не слишком усердно. Кто же Никиту всерьез принимает? Он со всеми девками так: не может пройти не прислонившись. Егор оглядывал собравшихся. Никто не подозревал о его тайной надежде увидеть снова зеленоглазую девчонку с хутора. Не давала она ему покоя. Казалось бы: чего в ней особенного? По деревенским понятиям, так очень уж худая, где такой справиться с хозяйством, а дети опять же пойдут? Но Егор не мог думать о предназначении женщины в семье, о нелегкой ее доле. Ему хотелось снова ощутить запах, исходящий от ее волос. Пахло от них степным чабрецом. Егор точно помнил. Надо же, – думал он, – зимой чабрецом пахнет. Ему и невдомек было, что Даша с бабкой Авдотьей сушат травы по весне, а потом полощут волосы в разных отварах. Но напрасно он бросал украдкой взгляды. Даши на посиделках не оказалось. Разочарованный, он уселся за стол наблюдать за играющими. Никите, как всегда, везло. Он весело отсчитывал щелбаны Федору, нос которого и без того распух и стал лиловым. Никита, оторвавшись от увлекательного занятия, обратил свой взор на друга.

– Ты чего кислый такой? Ну-ка, Федька, раскинь и Егорухе тож, – приказал он.

– Не буду я, – отнекивался Егор, – не с нашим везением.

– Эт точно! – довольно засмеялся Никита и поглядел на красноносого Федора, – со мной нечего и связываться.

Взгляды Егора не остались без внимания. Не он один был разочарован в этот вечер. Сын лавочника – Алексей: высокий, симпатичный парень, щегольски одетый в голубую сатиновую косоворотку, тоже ожидал прихода хуторских. И хоть Даша никогда не обращала на него внимания, он тешил себя надеждой.

А почему бы и нет? Родители у Дашки – не босяки какие. Да и отец возражать не будет против такой родни. А что щупловата, так у них есть кому работать. А в лавке посидеть сможет. Наоборот будут люди чаще ходить. Дашка, вон какая красивая. Сколько парней на нее заглядывается. Вот с годок еще подожду, да и зашлю сватов, – рассуждал Алексей. Он не раз пытался завладеть Дашиным вниманием. Но та со смехом отвергала его ухаживания в виде поднесения розовых пряников, сравниваемых с ее щечками, или разноцветных леденцов, предположительно таких же сладких, как ее губки. Все знаки внимания Даша неизменно отдавала

подругам, никогда не пробуя сама. Алексея обижало такое ее отношение. Ведь любая деревенская девка за честь посчитала бы, только глянь на нее сынок лавочника. А эта кобенится. Для себя Алексей решил, что не даст никому другому за Дашу посвататься.

Даша грустно глядела в окно. Там, на сколько хватало взгляда, неизменно сиял синеватый снег. Сидеть дома надоело. Любимая подружка вон как далеко, а так хочется посекретничать с ней. Бабка Авдотья, исподтишка, бросала взгляды на любимую внучку.

– Глашке что! – вздохнула Даша, – на посиделки недалеко ходить. Да и людей в деревне полно. Новости деревенские все знает. А тут: прядешь да вяжешь целый день. Даже в окно одну степь видно.

– Их-х-х, девка, – бабка Авдотья ладошкой остановила колесо прялки. Нашла об чем горевать! Увидишь свою подружку. Нашепчетесь еще.

Внучка промолчала, а бабка начала вспоминать времена, когда была она матушкой Авдотьей. Как почтительно с ней здоровались прихожане, какие она носила наряды. Она и сейчас любила приодеться, приучала и Дашу не ходить в чем попало. Наряды они шили вместе. Бабка была мастерица. Но внучке надоели и бабкины рассказы, и молчащий дед у печки, перебиравший старые газеты. Хорошо хоть, мать во дворе возится, а то нашла бы неотложные дела. Уж такая она: не даст посидеть без дела, если где соринку узрит, заставляя мести полы. А так хотелось расспросить Глашку о том парне с голубыми глазами. В деревне, поди, все друг о друге знают. Вот и рассказала бы подруга о нем. Станный он какой то. Рассматривал ее так, словно не видел никогда. В деревне не принято пристальное внимание. Да и чего в ней диковинного? В окно Даша заметила, как подъехал к их хате Харитон на запряженном в сани коне. Он высадил из саней Анютку и, теперь, они вместе шли по дорожке.

– Харитон Нюрку к нам ведет, – сообщила Даша новость домочадцам.

– В деревню собрался, – переступила через порог Катерина, возвращаясь со двора, – хочет чтобы мы Нюрку доглядели.

Мысль матери о том, что Харитон едет в деревню, заставила сердце забиться быстрее.

– Мамань, разреши мне с Харитоном, – она умоляюще смотрела на мать. Та нахмурила брови, что означало большую озабоченность. Но находившийся тут же отец, поддержал любимую дочь: – Пусть поедет, поди по подружкам соскучилась. Ей на хуторе и поговорить не с кем. Чай бабка Авдотья не заменит Глашку-тараторку!

Замечание мужа об одиночестве дочери подействовало на строгую женщину.

– Только с Харитоном и обратно, – решительно произнесла она.

– Я к Маринке загляну, с Глашкой поболтаю и домой, – обещала Даша, натягивая свою беличью шубку.

Харитон, как и догадалась Катерина, привел Анютку, чтобы оставить до вечера. Как стемнеет, он рассчитывал вернуться из деревни. Увидев одетую подружку, девочка была разочарована. Она согласилась пойти к соседям, только в надежде, что взрослая подружка сошьет наряд ее Маньке. Теперь кукла, находящаяся в ее руках, начала слегка подрагивать. Хозяйка ее уже не хотела оставаться с теткой Катериной, которую побаивалась. На помощь пришел кот Кисель, потерявший о ее ноги. Она взяла его на руки и стала гладить. Чему кот был несказанно рад. Ведь, кроме Дашы, никто не гладил его черную шерстку.

Девушка умоляюще смотрела на Харитона: я с тобой, ладно?

– Поехали, места в санях хватит, – не возражал Харитон. Он закутал ее в огромный овчинный тулуп и дернул вожжи. Дорога недалняя, но в такой мороз казалось, что конца ей не будет. Харитон успел рассказать зачем едет в деревню. Мать его приболела, и сидеть с Ваняткой было некому. Вот и надо срочно привезти того домой. С Нюркой доглядят за малым. Несмотря на тяжелый тулуп, Даша успела промерзнуть и сидела, молча слушая соседа. Тот даже обернулся на свою спутницу: ты часом не замерзла?

– Немножко, – пискляво отозвалась Даша.

– Эх, Васька, пошевелись! Боюсь: не довезем молодку, – Харитон слегка взмахнул кнутом в воздухе.

Конь вздрогнул от неожиданности и побежал быстрее. По малолюдной улице они подъехали к дому матери Харитона. Даша встала на затекшие ноги.

– Харитон, я у Глашки буду, – предупредила она.

Тот согласно кивнул и направился в дом. Даша же поспешила через улицу. Прежде, чем идти к подруге, она направилась к одиноко стоящей на окраине деревни хате. Постучав, она сразу распахнула двери, не ожидая приглашения. На нее пахнуло кислым, застоявшимся воздухом. Огромная русская печь, занимавшая половину комнаты, шерилась немазаными кирпичами, на деревянном столе стояла немытая посуда. Даша поморщилась, глядя на беспорядок, но на уборку сегодня не было времени. Вместо кровати или полатей, во многих избах находящихся в переднем углу, у печки стоял плохо струганный ящик на невысоких табуретках. Даша, не снимая шубы, направилась к ящику. Оттуда, навстречу ей, поднялось бледное, улыбающееся женское лицо. То, что это была женщина, можно было догадаться по повязанному платку. Ничего больше нельзя было разглядеть под накиданными тряпками. Она радостно улыбалась Даше. Та, расстегнув шубку, и подойдя поближе, помогла ей сесть в ящике.

– Здравствуй, Марина, – ласково произнесла Даша. Было видно что она рада этой встрече. Девушка развернула узелок со сдобными пышками. – Я тебе пышек любимых привезла, – сообщила она.

Марина, зашевелилась устраиваясь поудобнее. Растягивая слова, обиженно сказала:

– Я те-бя да-в-но жду.

– Так метель какая была, – оправдывалась Даша, – дороги занесло, не пройти.

– Мне го-вор-и-л отец, – согласно закивала женщина.

– Я не надолго, Мариш, – Даша виновато глянула на подругу. С Харитоном приехала. Он у матери сейчас, а я еще хочу Глашку навестить. Ты не скучай, – Даша заметила потухший взгляд, – я приду одна в деревню, покажу тебе кружева, а еще расскажу тебе кое-что, – она загадочно улыбнулась и помахала рукой на прощанье.

В сенцах она столкнулась с отцом Марины, нелюдимым мужиком, которого боялась, как и все в деревне. Не любил он непрошенных гостей, сам не ходил ни к кому. В деревне появлялся только на общем сходе, да и то не всегда. Он и без указаний мог выбрать себе участок для сенокоса, а новости его мало интересовали. Жил он бобылем после смерти жены. Умерла она в родах, оставив ему дочь. Когда жена испустила дух, бабка–повитуха принесла показать младенца. Увидев его, мужик утратил дар речи и, с тех пор, стал нелюдимым. Повитуха успокаивала его: подожди, может не выживет еще. Новоявленный отец молча строгал доски. Сколотил он ящик, похожий на гроб, но доски пилить не стал. Как были в длину, так и оставил. Его начали укорять: мол, что же ты делаешь, размер бы надо укоротить. На что тот коротко ответил: а вдруг выживет? Девочка выжила, да так и осталась жить в том ящике. Ходить она не умела, и говорила плохо, тянула слова. Ухаживала за ней бабушка. Назвал отец ее Мариной. Так и жила она в ящике, словно в лодке плыла.

Когда исполнилось Маришке, как все в деревне ее называли, лет шесть, попросилась к ним на ночлег нищенка, облюбовав крайнюю хату. Переночевала, да и осталась пожить. Прожила два года, научила калеку вязать кружева крючком. Та быстро разобралась в кружевоплетении. Даже сама придумывала затейливые узоры. Нищенка давно ушла дальше, уже выветрилась и память о ней. А кружева связанные Маришкой–кружевницей славились на всю округу. Однажды бабка Авдотья, заметив тягу Даши к вязанию, отвела ее в деревню к Марине. Даша, поначалу, ни в какую не хотела даже подойти к непонятному существу, выглядывавшему из ящика. Но Маришка, кое-как поднявшись, протянула в худой руке кружева. Даша заворожено смотрела на рукотворное чудо, недоверчиво косясь на скелет в платочке, как для себя определила она кружевницу. Необычные кружева, каких в деревне никто не вязал, заворожили Дашу.

Бабка Авдотья подтолкнула ее к ящику, и девочка осмелела. Она взяла кружево из рук Марины и уселась рядом. С тех пор Даша зачастила в хату на окраине села. Хоть и была Маришка старше ее, но возраст не стал помехой для дружбы. Маришка привязалась к доброй девчужке и с нетерпением ожидала ее прихода. Она не делала тайны из своих способностей, показывая усердной ученице, как правильно держать крючок, набирать петли. Даша оказалась способной и после занятий в школе бежала на край деревни. После окончания начальной школы она, все равно, ходила в деревню к Маришке. Они всегда были рады друг другу. Маришка радовалась появлению Даши даже больше, чем приносимым ей гостинцам. Всегда придирчиво оглядывала вывязанные ею кружева. Иногда неодобрительно хмурила брови. Даша краснела за свои неудачи. Но с каждым годом улыбок Маришки при разглядывании кружев становилось все больше. Так сложилось, что близких подруг у Даши оказалось целых две. И обоим она доверяла все свои нехитрые тайны.

– Раздевайся скорее, замерзла поди, – хлопотала около нее тетка Шура, мать Глашки. – Мы, как раз полдничать собрались, давай за стол сразу, – она вешала на гвоздь протянутую шубу. Даша не стала отнекиваться. Так уж повелось, что в семье подруги ее принимали, как еще одну дочь. Да и сама она чувствовала себя гораздо свободнее, чем дома рядом с матерью, с ее постоянно наводимым идеальным порядком.

Глашка хитро улыбалась, поглядывая на подругу. Отобедав, подружки уединились в горнице. Присев у окна, обсуждали деревенские новости. Подруга начала разговор издалека, рассказала о недавно обморозившемся мужике.

– Да живой остался, – тараторила Глашка, – оттерли его. Руки только почернели. Так пьяный же был. Поди трезвый совсем окочурился бы...

Но, увидев, что Даша слушает ее рассеянно, Глашка сменила тему.

– Ты Егора помнишь? – зашептала она, – Того, который с действительной пришел?... На него Паранька глаз положила... – Она умолкла, лукаво посмотрев на Дашу.

У той явно испортилось настроение.

– Да? – рассеянно спросила она, – он ее провожает? Даше вдруг захотелось домой, встреча с подружкой стала в тягость. Ей показалось, что та радуется за Парашку.

– Вот ты глупая! – да Егор каждый вечер глазами шарит, ищет кого-то, – хитро прищурилась Глашка.

У Даши отлегло от сердца. Она с надеждой посмотрела на Глашку, – ты не обманываешь?

– А ты приходи к Августине, сама увидишь.

В это время в окно постучали, – Дашка у вас? – Харитон нарушил их тайную беседу. Даша с неохотой уходила от подруги, ей хотелось еще услышать о том парне, поделиться своими ощущениями. Харитон усадил ее рядом с обрадованным Ваняткой.

Тот улыбался: «Даша моя.»

Даша тоже была рада ребенку. Она укутывала его, прижимала к себе.

– Давай поближе: теплее будет, – приговаривала Даша, укрывая Ванятку полкой тулупа.

Харитон, глядя на них, горько улыбнулся:

– Ты погляди, Дашка, он к тебе, как к матери родной ластится.

Даша поцеловала малыша в румяную от мороза щеку:

– А мы с ним любим друг друга. Правда, Ванюш?

Тот согласно кивал.

Обратная дорога не казалась длинной. От прижавшегося Ванятки исходило уютное тепло, пахло молоком и Даша распахнула тулуп, не замечая мороза. От сознания того, что она тоже кому-то нравится, становилось радостнее на душе. Она нравится тому взрослому неулыбчивому парню...

Кто будет утверждать, что любовь приходит весной? Что распускающиеся цветы, зеленая травка, теплый нежный ветерок заставляют кровь пульсировать быстрее? Заставляют особого пола обращать внимание друг на друга? А холодная зима заставляет только кутать носы в теплые воротники? Может так и есть на самом деле, но только любовь считает иначе. Приходит она совсем неожиданно. Разве кто-нибудь знает, что вот завтра непременно влюбится? И как понять, что ты влюблен? Кто может рассказать: какая она любовь? Для каждого она особенная. До сих пор Даша любила только родителей, братьев, подруг. Но это было другое чувство. Даша никогда не ревновала свою мать к братьям, хотя мать и выделяла младшего. А сейчас она мучительно переживала сообщенные подружкой новости. Почему так бывает? Парень, понравившийся ей, нравится и мельниковой дочке? А вдруг Паранька ему нравится? Может он и провожает ее? Она Даша сидит на своем хуторе, а соперница пользуется тем, что каждый день видит его.

– Мамань, можно сегодня в деревню? – услышала Даша голос брата Ивана. Они сидели на печи с Анюткой и Ваняткой. Даша шила обещанную юбку для куклы Маньки. Катерина, как всегда, была недовольна приходом ребятишек. Против них самих она ничего не имела. Считала, что грех не покормить сирот. Но на Дашу она ворчала: они к тебе словно прилипли. Не привечай их. Вдруг Харитон женится – трудно им будет привыкнуть к мачехе.

Дашу не заботили последствия детской привязанности. – Ну что тут такого?, – считала она, – я им просто подружка. Вот и теперь Даша уединилась с детьми подальше от осуждающих глаз матери. Она вполуха прислушивалась к нудящему голосу брата.

– И так взаперти на хуторе сидим, – нудил Иван, – все друзья – в деревне.

– Вы с Лукой пойдете, а там и сестра захочет, – не соглашалась мать. Весны дождитесь, по-теплому и будете шастать.

– Так весна когда еще..., – взвыл Иван. – Дашка пусть идет, мы за ней приглядим. А собаки нас охранять будут, – не сдавался он.

– Даш, а принц, он какой? – спрашивал любопытный Ванятка.

– Принц то? – Даша затаила дыхание, ожидая ответа матери.

– Идите, только не долго, – уступила, наконец-то, Катерина. Обрадованная Даша старалась придумать образ сказочного принца. Перед глазами всплыл образ светловолосого парня с голубыми глазами. – Принц, он красивый, – улыбнулась девушка.

Веселой ватагой, сопровождаемые двумя огромными молодыми кобелями, Даша с братьями подходили к деревне. Собаки: Валяй да Окаянный, то забегали далеко вперед, то подбегали к своим молодым хозяевам, пытаясь свалить их с ног. И только грозные окрики Луки сдерживали их радостные порывы. В деревне вечеряли. Сквозь щели в закрытых ставнях мерцали тусклые огоньки. И только окна в хате Августины призывно светились. Собравшиеся парни уже играли за столом в «очко». Девки шушукались на лавке. На пришедших с хутора обернулись всего несколько голов. Нестройно посыпались приветствия. За столом шла нешуточная игра. Никите сегодня явно не везло. Настроение у него было слегка подпорчено. Сидел он молча, созерцая свои карты. Лишь две пары глаз одновременно оторвались от стола и украдкой посмотрели на покрасневшую с мороза Дашу. Вид ее зажег надежду в синих и карих глазах. Но, когда взгляды, оторвавшись от девушки, встретились, в одном из них промелькнула угроза.

Никита опять получал щелбаны. Его всегдашний оппонент Федька радостно потирал руки и с пристрастием лупил картами по носу Никиты так, что у того выступили слезы на глазах.

– Не все коту сметанку лизать, – приговаривал Федька, мстительно с оттяжкой щелкая картами по багровевшему носу.

Никита, наконец, не выдержал. Он выдернул карты из федыкиных потных рук и, в сердцах, бросил их под стол. Парни захохотали над такой дерзостью.

– Все! Не играю больше! Злые вы! – забыв про собственные недавние шелбаны, отпускаемые тому же Федьке, Никита подался из-за стола. Он без интереса заглядывал со спины в карты игроков. Наконец, заскучав от бездействия и невнимания к своей персоне, он, оглядев сидящих, бросил:

– А чего, мужики? Айда на санках покатаемся? Девки засиделись гляжу!

Предложение всем понравилось. Послышались крики одобрения. После метели на улице потеплело. Да и сидеть дома всем надоело. Парни и девки вскакивали с насиженных мест, суетились в поисках своих шубеек, вытаскивая их из под других, кучей сваленных на сундуке. Толкаясь парни вываливались из дверей и, наперегонки, спешили на улицу. Надо было обежать соседские подворья в поисках санок, да не наткнуться на хозяев.

– Айда, девки! – Никита не мог устоять на месте. – Наташка, Грунька, кобылы здоровые, поворачивайтесь. Сидят, как старухи-вековухи. Дунька! Бегом на улицу. Какие девки неповоротливые! – Никиту распирало от желания всех растормошить.

– Дашка, Глашка, вы чего, словно на насесте сидите? – он подскочил к шепчущимся подружкам.

Глашка вскочила и замахнулась, пытаясь достать Никиту, – ишь ты, черт шепутной, никому покоя не дает.

– А то, – улыбался Никита, – Дашуха, а тебе братья не разрешают? – подколот он сидящую девушку.

Напоминание о братьях возымело свое действие. Даша молча встала и направилась к сундуку. Она считала, что братья чересчур опекают ее своими бесконечными заботами. Ей вот-вот исполнится семнадцать, а они, как привязанные, ходят за ней. Вышедшие раньше ребята уже тащили деревянные санки из ближних подворий. Такие имелись в каждом дворе. На них возили в дом солому, кизяк для печки, корм скотине. Девчата рассаживались на предлагаемые парнями сани, а парни, вприпрыжку, уже тащили их за веревки к крутой горке, с которой с давних пор каталась молодежь. Даша не успела опомниться, как чьи-то руки уже усаживали ее на деревянные сани. Улыбающийся Егор подмигнул ей: ну что, Дарья Михайловна, прокатимся? Даша, не веря своим глазам, молча кивнула, не в силах произнести хоть слово от неожиданности. Егор мгновенно домчал легкие санки до вершины горы. Напрасно Парашка отвергла предлагаемые Никитой добытые у соседей легкие саночки. Напрасно взгляд ее искал в темноте знакомый силуэт.

– Эх, с ветерком! – Егор направил сани вниз с горы. Ногами он придерживал их ускоряющийся бег, стремясь отгородиться от соседних, мчащихся рядом. Девчата на других санях визжали от восторга. Даша сидела молча, уцепившись обеими руками в тулуп Егора. Он направлял сани в сторону от накатанной колеи, туда, где было совсем безлюдно. Санки неожиданно вильнули, наскочили на небольшой бугорок и опрокинулись, вытряхнув седоков. Даша отскочила от Егора и теперь барахталась в сугробе. Девушку обуял неудержимый смех, и она никак не могла подняться. Егор вскочил и сразу кинулся Даше на помощь. Он ухватил дашину руку и потянул ее на себя. Девушка поднялась на ноги, лицо ее оказалось совсем близко от лица Егора. Она успела увидеть голубые, сияющие глаза и тут же почувствовала прикосновение его губ. Было это так неожиданно, и так нежны были его, чуть обветренные, губы, что Даша вздрогнула. Егор тут же отстранил свое лицо. – Ты чего? – тревожно спросил он.

Лицо девушки запылало от его прикосновения. Егор увидел этот румянец и все понял.

– Ты до этого ни с кем не целовалась? – улыбнулся он понимающе.

– Да нет, да... Нет, не целовалась, – призналась вконец растерянная Даша.

Волна нежности захлестнула Егора: – Ты такая, такая..., – он не мог найти слов для сравнения.

– Какая? – прошептала она.

– Необыкновенная!

Он притянул Дашу к себе и, заглянув в ее глаза, прочитал, что она тоже ждет поцелуя. Его губы прижимались к ее еще не привыкшим к поцелуям, но не сопротивляющимся нежным губам. И пахло опять степным чабрецом. И загадочно смотрели на них древние, как мир, звезды, столько повидавшие на своем бесконечном веку. Сколько целующихся пар наблюдали они под своим мерцающим светом. И каждой влюбленной паре казалось, что они – единственные под этими звездами. Единственными во всей вселенной чувствовали себя сейчас Егор и Даша. Забыв обо всех, они целовались и не могли отпустить друг друга. Сколько длился этот первый поцелуй, ни один из них не мог бы сказать. Наконец Егор оторвался от ласковых губ. Даша с удивлением смотрела на него. Неужели это происходило с ней?

– Сестра! Сестра! – услышали они голос Луки. В поисках сестры, Лука и Иван спускались с горки.

– Да здесь я, – недовольно отозвалась Даша. Братья остановились посреди горки:

– Поднимайся, домой пойдем.

Даша медленно брела наверх. Терпеливо ожидающие братья, встали по обе стороны от нее. И Даша, словно под конвоем, пошла между ними. Оглянуться на Егора девушка не решилась. И лишь когда они выходили из деревни, Даша, чуть не плача, выговаривала братьям. – Что вы, в самом деле, как привязанные за мной ходите? Шагу без вас ступить нельзя. Взрослая я давно, взрослая! Обойдусь без вас. В голосе ее слышались слезы. Озадаченные братья шагали рядом, не понимая, чем так не угодили любимой сестре. Ведь сама просила не отходить от нее, говорила, что Алешка проходу не дает. А теперь чуть не плачет. Даже Валяй с Окайным при- смирели: поведение молодых хозяев было необычным. Не визжала молодая хозяйка, не кидали снег братья. Понуро они брели по степи.

– Даш, ты скажи, что мы не так сделали? – допытывался Иван. Даша молчала. Но братья чувствовали: изменилась сестра, появилась у нее какая-то тайна. И не хочет она никому об этом рассказывать. Лука почувствовал ее состояние: – Даш, ты случаем не влюбилась? – предположил он.

– Вот дурак, – Даша ускорила шаг.

Братья понимающе переглянулись. Оставалось только узнать, кто же тот счастливчик, которого выбрала их единственная сестра?

Егор растерянно смотрел вслед удаляющейся Даше. Он надеялся, что она оглянется. Но она шагала в окружении братьев, опустив голову. Егора обидело ее невнимание. Словно не ее сейчас он целовал вот здесь. Может, он ошибся в ее чувствах? Егор медленно поднимался на горку, когда вездесущий друг окликнул его: забрала тебя холера, – посмеивался Никита, хитро поглядывая на друга.

– О чем ты? – Егор не хотел показывать, что сразу понял о ком речь.

– Да вон – Дашка Данилова, – усмехнулся Никита.

– Скажешь тоже, – не сдавался Егор, – чего в ней особенного?

– Есть значит чего, раз пол-деревни по ней сохнет, – не унимался Никита.

– И ты тоже?

– Мне там ловить нечего. Парень я практичный, За Парашкой ухаживать буду, за ней мельницу отдадут. А эту видал, как сторожат, – кобели одни чего стоят, – ухмыльнулся Никита. От слов друга на душе у Егора стало спокойнее, значит Даша просто стеснялась своих братьев. Будет опять вечер и опять он улучит момент, чтобы оказаться рядом с ней.

– 5 -

– Всю ночь гуляют, потом спят до обеда, – Катерина, стоя у печи, ворчала на детей, поздно пришедших ночью из деревни. – Вон кизяк некому принести, – возмущалась она.

– Давай лоханку, пусть дети поспят, – перебил ее дед Василий. Он набросил на плечи старый козушок и вышел в сени. Но успокоить Катерину было не так-то просто. И хоть утро

было ранее: можно детям и поспать, она продолжала сердито ворчать, пока Даша не выглянула из боковушки. – Мамань, давай помогу у печи, – предложила она.

Но та, видимо, спустила утром на пол другую ногу, нежели обычно и, по этому поводу, была настроена воинственно. Делая вид, что не слышит Дашу, она продолжала: ты посмотри: не метено в хате до сих пор, вдруг кого лихоманка занесет – позору не оберешься. И хоть в хате на полу не было и соринки, Даша взяла в руки веник и принялась мести пол. Но настроение матери было испорчено окончательно, когда она обнаружила, что спичек, постоянно лежавших наверху в одной из не слишком прогреваемых гарнушек, не оказалось на месте. Она поводела рукой поглубже, но, так и не нащупав спичек, взбеленилась: – Все на сигарки извел, ведь сколько раз было говорено, чтобы не трогал!...

Даша, предчувствуя бурю, попыталась незаметно проскользнуть в свою боковушку. Но Катерина, заметив ее движение, повысила голос: – Ну ка, защитница отцова, собирайся в деревню. Да не говори мне, что мороз на улице. Спичек вон надо, сахара купи, да соли. Опять же конфет да пряников: Рождество скоро, придут христославить, чем угостишь? И не проси, чтобы лошадь запрягали: по ночам вас носит и ног не жалко, так что – поспешай. Даша была рада отлучке из дома. Ведь теперь целый день вся семья будет ходить бочком, да молчком, а все потому, что мать встала не с той ноги. Даша, радуясь в душе, что не надо будет целый день слушать недовольное ворчание, поспешно одевалась. Сунув ноги в валенки и на ходу застегивая шубейку, она выбежала за порог, прихватив холстинную сумку. Опасаясь, что мать вспомнит о завтраке, она ускорила шаги, чтобы не возвращаться. Но та, увлеченная своими речами, не подумала, что отправила дочь голодной. Даша радостно шла по проторенной дорожке. Она надеялась увидеть Егора в деревне. Вдруг ему тоже надо будет в лавку? Не замечая щиплющего щеки мороза, не глядя на окружающую ее бесконечную белую равнину, в мечтах она добралась до деревни. Из труб вился белесый дым и висел над крышами, долго не рассеиваясь в морозном воздухе. В сараях слышались покрякивания хозяев, управляющих скотину. Кто-то очищал от снега проходы около домов, накидывая и без того высоченные сугробы. На улице изредка встречались сельчане. Некоторые, пряча усмешку в усах, здоровались с Дашей, качали головами понимая, что девчонка не по своей воле так рано пришла в деревню. Даша решила сначала зайти к подруге.

Вся семья сидела за поздним завтраком. Даша смутилась: я как всегда вовремя!

– Лапушка! Проходи, проходи, садись с нами, – ласково приглашала ее мать подруги, – мы припозднились сегодня. Она подвинулась на лавке, уступая место. Ели кислые блины, обмакивая их в заквашенное молоко, не особенно заботясь о наступившем посте. Даша уселась рядом с подругой и, впервые за утро, свободно перевела дух.

Кирюха, Глашкин брат, поддел девушку: – Что, Дашка, мать из дома выгнала? В такую рань в деревню припёрлась?

Ни для кого не был секретом характер Катерины.

– Да нет, я сама. Перед Рождеством надо купить гостинцы, – улыбнулась Даша.

– С подружкой повидаться тоже надо, – поддержала ее Шура.

Глашка многозначительно подмигнула Даше, вылезая из-за стола. Та, извинившись, последовала за ней. Они отправились в пустую горницу. Глашка нетерпеливо схватила подругу за руку: давай рассказывай, целовались вчера?

По лицу Даши расплылся яркий румянец. – Один раз только.

– Ну и что? – любопытству подруги не было предела.

– Ничего! Братья начали кричать, – обиженно сказала Даша, – я ничего и не поняла.

Любит он меня или нет?

Глашка расхохоталась: эх ты! Маленькая еще понимать! – А ты знаешь, Дашка, – девушка посерьезнела и заговорщицки глянула на подругу, – надо погадать под Рождество! Говорят из спичек надо сложить колодец под подушкой. А как засыпать будешь, скажи: суженый, ряже-

ный, приди ко мне наряженный водицы испить. Придет к тебе князь богатый высокий усатый, – Глашка поднялась на носках, приложила пальцы к верхней губе, пытаясь убедительнее показать воображаемого князя. Даша, глядя на нее, не смогла сдержать улыбки.

– Вот увидишь! Кто явится – за того и замуж! – убеждала неугомонная Глашка. Вон Улька Орлова рассказывала, что приснился ей Степан. За него и вышла. Эх! Хоть бы мне приснился богатый, высокий, усатый! – мечтательно произнесла Глашка.

– Ой, уморила! – смеялась Даша, – в нашей деревне усатые – только старики пузатые! Да и те не особо богатые.

– Не скажи! – не унималась Глашка, – у стариков, поди, сыновья есть! А старики не вечные. Вон Алешка-лавочник, чем не жених: высокий, симпатишный!

– Наум на погост не спешит! – перебила ее Даша.

– Так и Алешка мне не нужен! – махнула рукой Глашка, – в лавке сидеть! Скучота! Мне бы такого чтоб веселый был, шепутной.

– Так то – Никита! – воскликнула Даша, – он тебе нравится?

– Ой не знаю, не знаю! – жеманилась Глашка, – боюсь по бабам бегать будет. Не по мне такая жисть!

– Тебя не разберешь! – покачала головой Даша, – чтоб веселый, да дома сидел? Ты где такое видела? За веселыми девки сами табуном ходят.

– Не говори, подруженька! – притворно пригорюнилась Глашка, – веселый да шепутной – все равно, что чужой.

Не удержавшись, они рассмеялись.

– Мать ругает меня, что не умею в парнях разбираться. Говорит работающего надо, да спокойного. А что с таким делать? Со скуки помру, – не унималась Глашка.

Они еще долго шептались, смеялись, обсуждая парней да девчат. Глашка припомнила, как вчера вечером металась Паранька. Поди, Егора искала, – мстительно предположила она. Подняв юбку, Глашка показала, как Паранька бегаёт, заглядывая во все углы. Дашу забавляли кривлянья подруги. Наговорившись, Даша покинула гостеприимный дом и поспешила в лавку. Настроение было приподнятое.

Подходя к соседней улице, она услышала шум около дома одинокой Фроськи-«зазнобы». Потихоньку к дому собирался любопытствующий народ. В покосившуюся дверь отчаянно барабанил Толька Кочетков.

– Выходи! – орал он, – выходи, отец! Знаю, что ты у нее! – Толька перестал барабанить, прислушиваясь к звукам в доме. За дверью затаились и на провокацию не ответили.

– Ну, держись! – Толька разбежался и ударил плечом в дверь. Дверь тяжело заскрипев, подалась, но натиск выдержала.

– Давай, Толян! Вышибай! – поддержали его мужики.

– Дверь только позавчера на место навесили, – сочувственно произнесла Нинка Чернышова.

– На кой? – равнодушно спросил Степан Кривенцев, – все равно выбьют.

Толька разбежался еще раз. В это время с другой стороны хаты, из распахнувшегося окна вылетел овчинный тулуп, вслед за ним сиганул щупленький мужичонка.

Толька оставил попытки выбить дверь, как только понял, что его провели. Он выхватил дрын из шаткого плетня и помчался за мужичонкой. Обособлено стоящие мужики созерцали потеху с усмешками. Бабы осуждающе качали головами: кобели, вы, кобели!

– Эх, Иван! До седых мудей дожил, а всё по бабам! – громко возмущалась Верка Корнеева.

– Не говори! – поддержала ее Нинка Чернышова, – Анна всю жизнь терпит такую свистопляску. Внуки уже есть, а он всё туда же! – она горестно покачала головой. В суматохе никто

не заметил подошедшую Анну, жену блудливого Ивана. Она давно знала о похождениях мужа и напрямик направилась к дверям фроськиного дома.

– Отвори! Шалава гулящая! – застучала она кулаком в дверь.

Дверь резко открылась. Анна едва не упала через порог. Фроська сразу пошла в наступление. Руками она ухватила Анну за платок и втащила в сени. Оттуда послышались вопли обеих женщин. Неизвестно в чью пользу окончилась бы потасовка, если бы не вмешались сочувствующие бабы. На помощь Анне кинулась Любка Орлова. Вместе они выволокли упирающуюся Фроську. Анна, повалила ее в снег и упав рядом колотила ненавистную соперницу здоровенным кулаком. Разъяренная Любка ухватила Фроську за валенок, но та что есть мочи брыкнула ногой, и Любка повалилась рядом. Бабы таскали друг дружку за волосы, не разбирая, рвали одежду. Верка кинулась разнимать. Нинка Чернышова бегала вокруг баб и кричала:

– Шалава ты, гулящая! Что ж ты без разбору со всеми?

– Так они просят! – вопила Фроська, отбиваясь от баб.

– А-а-х, про-о-сют!... – хором заголосили бабы.

Даша, став невольной свидетельницей, с недоумением созерцала происходящее. Наконец, решившись, она бросилась в кучу, крича: Тетка Люба! Теть Вера! Вы же убьёте её!

Наблюдавшие мужики тут же отгеснили ее: не вмешивайся, девка! Дай до конца досмотреть представлению! Чай не впервой!

И правда, бабий гнев поостыл, и помолотив друг дружку еще немного уже без прежнего пыла, они, уставшие и довольные, поднимались со снега. Оценив ущерб, начали приводить себя в порядок.

– Пряма – теянтер! – Верка заправляла под платок выбившиеся волосы, – в город ездить не надо.

– Ладно, бабы! Айда по домам! – скомандовала Любка. Она плюнула в сторону Фроськи и первая покинула поле боя. Даша, успокоившись и решив, что для Фроськи опасность миновала, направилась в лавку.

Алексей скучал за прилавком, перекидывая костяшки на счетах. Но, увидев вошедшую Дашу, вскочил с табуретки и кинулся ей навстречу: Дарья Михайловна, – он учтиво подставил Даше руку, – наконец-то заглянули к нам, думал уж: не дождусь! Что же вы так долго не заходили?

– А то не знаете, Алексей Наумыч, – Даша все еще возбужденная, в тон ему разыгрывала из себя знатную купчиху. Метель дороги перемела, не выбраться было с хутора. Вы мне соли, да сахара фунт отвесьте, пряников, да леденцов не забудьте. А самое главное – спичек, – вспомнила Даша.

Алексей бросился исполнять ее просьбу. Он, чуть ли не бегом, сновал между полками, не сводя глаз с Даши. Наконец, сумка была наполнена. Появившийся Наум, хозяин лавки, оттер сына в сторону: сам рассчитаю. Он перекидывал костяшки на счетах, не доверяя сыну деньги. Тот, надувшись, стоял рядом. Наум назвал сумму, и Даша протянула зажатые в кулачке деньги.

– Ты газеты передай деду, – Наум подал ей сверток, перевязанный бечевкой, – пусть просвещается.

Даша взяла тяжелую сумку и направилась к двери.

– Эх, расцвела девка, – ухмыльнулся ей вслед Наум, – кому-то достанется такой первоцвет?

Стоявший за спиной отца Алексей тоже не сводил глаз с Даши, и кривая улыбка ломала его губы: уж он то не упустит своего. Во внешности девушки и правда произошли изменения: походка стала плавной, а глаза светились тайной, придавая ее лицу еще больше красоты. Даша вдруг как-то враз повзрослела.

Выйдя из лавки, она направилась на край деревни. Девушка знала, что Маришка теперь ждет ее с нетерпением. Ей тоже хотелось поделиться своим секретом. Маришка должна знать, ведь она, как родная для Даши. Подружка, как всегда, в хате была одна. Она вся подалась в своем ящике навстречу Даше. Та вынимала из своей сумки розовые пряники, в лохматых обертках конфеты и сыпала их в Маришкины костлявые растопыренные пальцы. Маришка весело смеялась, радуясь неожиданным подаркам. Удовлетворенная, она уложила их около себя, и вопросительно посмотрела на Дашу. Даша сняла шубку и присела на табуретку рядом с ящиком: смотри, как я придумала, правда похожи на лазоревики? Она показывала связанные кружева, – а вот эти, как снежинки, правда? Марина радостно кивала головой. Она подняла большой палец, что означало высшую степень одобрения. Но радостный вид Даши насторожил ее. Выражение лица поменялось, в глазах опять читался вопрос.

Даша понимала каждый Маринкин взгляд. Она улыбнулась: сейчас расскажу! Многозначительно помолчав, решила, – я влюбилась! – объявила она.

Маришка испуганно вздрогнула. Теперь глаза излучали беспокойное сомнение: как такое возможно? Кто он? Не бросит ли Даша ее: Маринку?

– Он очень хороший, – радовалась Даша и добавила шепотом, – мы вчера целовались.

Маришка тревожно смотрела на подружку. Слезы стояли в ее глазах. Она больше не хотела разговаривать. Даша успокаивала ее: я к тебе всегда приходить буду. Мариша, я вас обоих так люблю! Так люблю! Но Маришка была безутешна. Слезы так и катились из её запавших глаз. Она отвернулась от Даши. Не смотря на уговоры и обещания, так и не захотела попрощаться. Расстроенная Даша покинула избу подруги. Тяжелая сумка оттягивала вниз руку всю обратную дорогу. Да и на дороге все чаще попадались неприметные кочки. На околице деревни Даше попался навстречу местный дурачок, Миша кислянский. Никто не помнил его фамилии. Прозвище получил он по названию деревни. Как всегда, одет он был в замызганную казачью форму. На голове красовалась неизменная фуражка, которую он не снимал ни зимой, ни летом. Все деревенские дети побаивались дурачка, хоть и был он всегда спокойный, с неизменной улыбочкой на глупом лице. Но стоило ребятишкам подразнить его: Миша-дурачок, Миша-дурачок, как хватал он все, что попадало под руки, и без разбору швырял в ребятишек. Даша, помня его еще с незапамятных времен своего босоногого детства, тоже побаивалась и при случае обходила стороной. А тут Миша шагал, не уступая дороги. Даша посторонилась, пропуская его. Но Миша не собирался проходить мимо. Он остановился и вполне осмысленным взглядом окинул Дашу.

– А ты, девка, хоть и красивая, да счастья тебе кроха отпущена. И пошел дальше, не оглядываясь.

Словно приговор вынес.

Даша смотрела на него и не могла понять: откуда он взял, сколько счастья на ее долю полагается? До сих пор жилось вполне счастливо. А уж теперь, когда у нее есть Егор!...

– Да что с него возьмешь, дурачок же, – беззаботно решила девушка и продолжила неблизкий путь.

К дому она подходила, когда солнце уже опускалось, последними скупыми лучами осенняя белую степь. Вечеряли молча. Отпрашиваться в деревню сегодня было напрасно. Мать молчала, и раздражать ее братья не решались. Прибрав со стола, женщины уселись за прятки, поближе к лампе. Дед Василий, важно усевшись за стол, зашелестел принесенными газетами.

– Дед, ты бы рассказал чего там прописано? – снова донимал его младший внук.

– Взял бы, да почитал, в школе, чай, грамоте учат, – отозвался дед.

– Рассказали бы, папаша, – попросила и Катерина. Дед, помолчав и прочитав еще несколько строк, откликнулся:

– Пишут вот: за границу хлебушка нашего стали закупать больше.

– К чему бы? – удивилась Катерина.

– К войне, не иначе, – тут же встряла бабка Авдотья.

– Анчибел тебя забери, Авдотья!!! – в сердцах воскликнул дед, – что ты все пророчишь? Давно войны ли не было? Землицы у них мало, вот и покупают наш хлебушек, – успокоил он внуков. – Еще вон про социалистов пишут. В нашем уезде арестовали несколько человек. Теперь судить будут. На каторгу сошлют, факт.

– Так им и надо, – тут же проговорила бабка, – не живется им спокойно, царь им мешает. Испокон веков с царем живем, как же без него родимого, – она осенила себя крестом. – Пусть царь-батюшка долго живет.

Ни у кого не нашлось возражений на ее речь. И правда: пусть себе царь здравствует. Как без него жить? Дед в газете сплетни читал, будто бы царь делает все, как царица повелит, но лучше уж так. Деревня была далека от столичной политики, от дворцовых интриг. Для крестьян главное – хлебушек, а на черноземе он каждый год родится, посылал бы дождичек Господь.

Бабка Авдотья первая не выдержала: на покой пора! Нехотя расходились по своим постелям. Даша еще долго без сна возилась на кровати в своей боковушке.

На посиделках сегодня было скучно. Манятка Козырева, деревенская певунья, выводила грустную песню:

Посажу я сирень, голубую да белую.

Буду ждать я тот день, только, что же я делаю?

Когда годы бегут, словно с горочки катятся

Как судьбу обмануть, за сирень, что ли спрятаться?

Поливаю сирень, голубую да белую.

То стою словно тень, то вокруг нее бегаю.

А дела, все дела, все никак не поделаю.

Оглянусь: голова уже стала вся белою...

Митька Линялый, прозванный так за выгоревший на летнем солнце чуб, тоскливо растягивал меха гармошки. Он не попадал в лад с Маняткой и, то и дело, гармошка обрывала свои рыдания, сбиваясь с ритма.

Егор оглядел сидевших на лавках девчат. Но взгляд его напрасно искал зеленые глаза. Разочарованный, он не заметил карих, светящихся надеждой глаз. Паранька вся подалась вперед, лишь бы он поглядел на нее. Но Егор прошелся по ней равнодушным взглядом и отвернулся. Вечер был в разгаре, и уже не было никакой надежды, что кто-то придет с хутора. Стараюсь быть незамеченным закадычным другом, Егор выскользнул в сени. Он сам пойдет на хутор. Ничего, что уже поздно, ничего, что один. Окрыленный любовью, он совсем забыл о здоровенных кобелях, постоянно сопровождающих Дашу и ее братьев. Парень почти бежал всю дорогу до хутора. Было ему жарко, несмотря на ледяную стужу. Благополучно добравшись до хутора, Егор вспомнил о собаках. Осторожно он подходил к избе, опасаясь неожиданного нападения. Но Валяй и Окаянный спокойно почивали, зарывшись в скирду соломы. Кому же охота морозить свою шкуру. Егор слепил снежок из рассыпающегося в руках снега. Осторожно бросил его в перекрестье рамы. Тот, не попав по дереву, звонко шлепнулся в стекло. Стекло не треснуло, но кидать еще раз он не решился. Даша, спавшая, как всегда, чутко, услышала шлепок в окно. Она подскочила в постели. Сердце забилося, затрепетало в груди. Девушка накинула юбку и кофту и, завернувшись в пуховый платок, заспешила к двери. Спавшая на печи бабка Авдотья окликнула ее: куда среди ночи?

– Бабань, я скоро, – прошептала Даша и выскользнула в сени.

На крыльце ее сразу подхватили руки Егора:

– Ты же замерзнешь, – он расстегивал свой тулуп.

– Не замерзну, – шептала обрадованная Даша. А Егор уже прижимал ее к себе, такую тоненькую, такую желанную. И обоим было тепло от того, что кровь заструилась быстрее, от того, что в первый раз они стояли так близко. Егор уже целовал ее, припухшие ото сна, губы, пахнущие парным молоком. И опять запах чабреца кружил ему голову, выбившиеся из косы Дашины волосы щекотали шею. Пробивающаяся на скулах Егора щетина обжигала нежную девичью кожу. Но они не замечали ничего. Егор раздвигал податливые губы, словно не мог напиться их сладкого, нежно-медового вкуса. Даша повисла на его руке. Голова ее кружилась, ноги подкашивались, и она, самой себе, казалась невесомой, парящей в руках Егора. А тот все целовал ее, и конца не было тем поцелуям.

– Я так соскучился! Так люблю тебя, Дашенька! – шептал он, покрывая поцелуями ее волосы, щеки, шею. Разомлевшая Даша обнимала его за шею:

– Егор, я тоже тебя люблю. Очень, очень.

Они целовались в лютый мороз и не замечали стужи, сугробов, висевших с крыши хаты сосулук, доходящих до самой земли. И было им жарко от поцелуев, от первой их нежной любви. От избытка чувств Егору хотелось говорить о любви.

– Всегда буду любить! – Егор оторвался от ее губ.

– Всегда! – как заклинание повторила Даша.

Егор, не застегивая полушубка, возвращался домой. Мысли его остались там, на хуторе. Он думал о том, что не может уже жить без Даши. Она стала для него всем: она жила в его снах, была его мечтой, воздухом, которым он дышал. Ему хотелось видеть любимую каждый день, каждый миг, касаться ее, тонуть в зеленых глазах, чтобы ласковые губы Даши улыбались только ему одному.

– Вот наваждение, – думал он, – как же дальше без нее? Так и спятить недолго. Надо поговорить с отцом. Чего тянуть, жениться надо!

Даша с бабкой Авдотьей мылись в баньке на краю сада. Жарко натопленная печь исходила красным отсветом. Они не спешили, хоть и оставались еще немывтыми братья. Бабка помогала расплетать внучке косы. Волосы пышной волной рассыпались по спине, доходя до щиколоток. С бабкиной же помощью и мыла их Даша. Справиться с ними одной не было никакой возможности. Бабка поливала из ковшика отварами из корней репейника и чабреца.

– Вот замуж выйдешь, кто тебе помогать с ними будет? – нежно ворчала бабка.

– Когда еще будет, бабань? Не спешу я. – Даша беззаботно улыбалась, поворачивая голову под струями воды. Травяной дух полз по баньке, расслабляя тело и душу. Даше вдруг захотелось поговорить с бабкой о любви. Мысль эта не показалась ей крамольной, хотя еще неделю назад она бы и не пришла в голову. Говорить о любви? В доме никогда не говорили об этом. Жили себе вместе, и это совместное существование подразумевало в себе все. И взаимное уважение и любовь. Но, видно, семена романтики попали в Дашину душу от прадеда Федота. И сейчас душа, распираемая от нового чувства, хотела познать: а как оно бывает у других? Даша не поднимая головы, спросила:

– Бабань, а ты деда Василия любила?

Видеть выражение лица бабки она не могла, и молча ждала ее ответа. Она совсем не была уверена в том, что бабушка пожелает говорить на такую деликатную тему. Но та, расслабленная запахом трав, усмехнувшись, все-таки решила поговорить о любви.

– А ты как думаешь!?! – но видимо ее не интересовал Дашин ответ, – потому что она продолжила свою речь: я и сейчас его люблю. Да и как не любить его было? – бабкин голос помолодел, ее руки стали не такими вялыми, она поливала воду на дашину спину и продолжала свои воспоминания: как в первый-то раз увидела его в церкви, так душа и замерла. Волосы у него черные, почти до плеч, да вьются, борода темная, аккуратная. Это теперь он – как лунь

белый, а тогда красивый был... Петро-то на него уж больно похож. Бабка улыбалась своим давним воспоминаниям. Даша слушала, затаив дыхание. Может больше никогда и не расскажет бабушка о своей молодости.

– Я ведь купецкая дочка была. В строгости родители держали. Без присмотра никуда. Ежели на улицу выйти, в лавке купить лент каких, так только с Федорой, с сестрой моей замужней... Ну а, когда сватать начали, я ни в какую, не нужен никто и все. Женихи всё купцы были. Отец и вожжами учил меня, а я на своем стою. Василий-то думал, что не отдадут за него купецкую дочь. Потом уж посватался. Я на колени перед родными упала: отдайте за него и все тут. Не то в монастырь подамся. Отец перепугался: уж лучше за попа, чем совсем дочери лишиться. Признать Васю ни отец, ни братья не захотели. Свадьбу, правда, чинно справили. Братья мои до сих пор купечествуют в Царицыне. Бабка оборвала свою речь, может даже пожалела о сказанном нечаянно. Даша давно знала, что бабушка у нее – не простая крестьянка, но не думала о том, что в городе у нее есть родственники, которых никто из семьи никогда не видел.

Молча, они одевались в предбаннике. Молча, бабка расчесывала дома Дашины волосы, видимо, воспоминания разбередили ее старую, но так до конца и не затянувшуюся рану. Внучку поразило нечаянное откровение бабушки. Она думала о том, сколько в жизни еще неизвестного, вот даже в собственной семье, где, казалось бы, каждый знает о ближнем все, никогда не вспоминалось о молодости старших поколений. Ведь и об отце с матерью Даша ничего не знала. – Интересно, а мать любит отца? – думала Даша, – или только и ждет, чтобы угостить его кочергой? – Даша рассмеялась своей мыслью. Бабка Авдотья по своему поняла ее веселье: – Молодая ты еще, вот влюбишься, узнаешь, что это такое. Дай то Бог, чтобы он по сердцу пришелся отцу с матерью, да побогаче: не отдадут тебя за бедного то, – подытожила, вздохнув, бабка. О том, что Егорова семья не слишком богата, Даша знала. Но и то, что отец не выдаст замуж против ее воли, она была уверена.

Вымытой гурьбой нагрянули из баньки братья. По обыкновению, они толкались, раздеваясь у порога. Мать, строго взглянув на них, приказала: за стол, вас только ждем. Ужинали вареной картошкой, обмакивая в постное масло. Дед бросал в рот мелкие черные сухарики, заранее засушенные супругой и запивал холодной водой. Пост он соблюдал строгий, особенно в последнюю неделю.

Егор спешил опять на хутор, проторенная тропка казалась бесконечной. Так хотелось снова стоять с Дашей, вдыхать запах ее волос, слушать ее ласковый голос. Ему самому, на людях немногословному, хотелось рассказать Даше о том, что каждую ночь она приходит к нему во сне. Каждую ночь он целует ее, расплетает ее золотистые косы, и вместе они путаются в длинных волосах, и не могут их распутать, чтобы снова заплести в косы. В том, что сон этот хороший, Егор не сомневался. Он никогда не видел конца, но затмившая разум любовь додумывала конец. И всегда он был красивым. Егор знал, что, рано или поздно, он будет расплетать Дашины косы, будет зарываться в их густые пряди, каждую ночь будет пьянеть от запаха чабреца. Он знал, что будет любить ее вечно, на руках будет носить, пальцем никогда не тронет. В деревне мужики, будучи в подпитии, учили своих жен с помощью кулаков. А как же иначе, чтобы боялись, мужей почитали. Должен в доме порядок быть. Бабу не побей, так она нос задерет. Но как можно поднять руку на Дашу? Егор не мог даже вообразить, что сможет, когда-нибудь, повисить на нее голос. Он был уверен, что и Дашины родители никогда не поднимали на нее руку. – Она ведь такая маленькая, беззащитная, – думал Егор, отмеряя валенками неблизкие версты до хутора. Даша уже ждала его у дороги.

– Совсем замерзла, – Егор нежно обнял ее, привлекая к себе.

– Немножко.

– Грейся! – он распахнул полушубок.

– Ты сам замерз, – испугалась Даша, – вон руки ледяные. Давай сюда!

Она взяла его ладонь и засунула к себе за пазуху. Егор нашел ее губы, и обоим было уже жарко. Жарко полыхали ее щеки, горячими были его губы.

– Ты – такая сладкая, – чувства переполняли душу, и Егору хотелось поделиться ими с любимой.

Даша млела от его близости, от его слов, которых ей никогда и никто не говорил, от его ласковых губ, пробирающихся нежными прикосновениями по ее шее. В ответ она крепче прижималась к нему. Рука Егора непроизвольно скользнула по ткани кофточки. У Даши чаще застучало в груди. Егор ладонью нащупал маленький тугой бугорок. Он обхватил его и тихонько сжал. Огонь пробежал по телу Даши, ей хотелось, чтобы Егор не вынимал своей руки: пусть бы вот так, ласково гладил, сжимал. Она впервые позволяла себе и ему такие вольности. Щеки ее горели от стыда.

– Не надо, Егор, – прошептала Даша сжимая кисть его руки.

Он жарко дышал ей в ухо. – Они у тебя, как зеленые яблочки, – прошептал он.

– Почему? – вскинулась Даша.

– Такие же недозрелые, – засмеялся Егор. Но убирать руку от маленькой, тугой груди не спешил. Все попытки девушки вытащить его руку успехом не увенчались.

– Ты не бойся, Даш, – Егор убрал, наконец, свою руку и серьезно глядел в ее глаза. – Я не могу обидеть тебя. Ведь мы успеем еще, правда? Вот поженимся, и тогда все у нас будет. Мне бы немного денег на свадьбу накопить. Думаю, родичи наши не будут против? Он тревожно заглянул в Дашины глаза. Она улыбнулась: отец отдаст меня, за кого захочу. Да и бабушка вступится, – она вспомнила бабушкин рассказ. Даша плохо представляла себе, о чем говорил Егор, что у них еще будет? Неужели может быть еще лучше, ведь от его поцелуев и так кружится голова, горит всё тело. Но она верила ему. Конечно, в их жизни будет еще много неизведанного и познают они это вместе. Зеленые ее глаза сияли от познания счастья, от поцелуев припухли губы, но он был рядом, разве может быть лучшее счастье?

– 6 -

Напрасно каждый вечер Парашка утаптывала снег возле калитки у дома Августины, дожидаясь прихода Егора. Она самой последней приходила на посиделки и нетерпеливо ёрзала по лавке, постоянно оглядываясь на дверь. Напрасно днем искала предлог сходить в лавку или к подружке, она ни разу не встретила того, с кем так настойчиво искала встречи.

Егор, словно чувствуя ее присутствие, ни разу не появился в тех местах, где была она.

Вроде и не такая уж большая деревня, иного, и не хочется видеть, а встречаешь на пути.

Вон Никита проходу не дает: на посиделках, на улице, вечно поджидает ее. Увязался тоже. Таких парней Парашка и не замечала. Босяки. Понятное дело: на мельницу зарятся, да на отцовскую кубышку. Знала она, что отец, потихоньку, зарывает золотые десятки под раскидистым тополем, во дворе. Бедность им не грозит – мельница, дом, скотина, землицы тоже немало. Уж за такое приданое можно заполучить жениха, которого душа пожелает. А желала парашкина душа не принца заморского, не какого-нибудь купца-молодца, ежели скажи кому так и не поверят...

Желала она парня пригожего, что в сердце запал с первого взгляда. В деревне, в отличие от хуторских, не все жили зажиточно. Хуторским завидовали: как это смогли люди выбраться из нужды, да живут теперь припеваючи. А тут до нового урожая не всегда дотянешь, приходится богатым кланяться. Потом долги отработывай, гни на них спину. Не один раз отец Егора приходил на поклон к Евсею-мельнику. Потом сын отработывал на мельнице. Там и приметил Парашка парня. Давно то было, а поди ж ты, помнила его, да с тех пор тайно сохла по нему. Егор не поглядел в ее сторону ни разу, но она о том не печалилась. Знала, чем можно взять парня! Со временем, глядишь и полюбит. В деревне поговаривали, что мать ее отца не любит, но живут уж сколько лет вместе. Вот так и Егор привыкнет. От такого богатства кто же

в здравом уме откажется? Надо только с отцом поговорить. Не дождавшись Егора, Парашка отправилась домой. Она злилась на Дашу, проклинала всю ее семью:

– Совсем тетка Катерина не смотрит за своей дочкой. Стоит, небось, милуется, а мать и не видит, – злилась Парашка. – И собаки его не покусали, ты посмотри, – накручивала она себя. Войдя в переднюю, отшвырнула попавшую под ноги кошку.

Мать и отец сидели за поздним чаем. Евсей Григорьевич чинно щипчиками колол сахар. На столе исходил паром самовар.

– Садись, дочь, самовар только поспел, – Евсей оторвался от своего занятия и смотрел на сердитую дочь.

Паранька сорвала с себя платок и шубейку, в сердцах швырнула на сундук и подошла к столу, но садиться не спешила.

– Ты вот что, отец! – она напряженно возвышалась над ним, – вот что хошь, то и делай, а я замуж хочу! Она стукнула по столу кулачком. Евсея выходка дочери не испугала, чай не впервой. Привык, да и выполнял их беспрекословно. Но сейчас он был озабочен. Что-то в поведении дочери насторожило его. Никогда он не видел такого взгляда. Евсей принужденно засмеялся: видно созрела ты, девка. Ну, так ежели приглянулся кто, мы супротив не будем, – он вопросительно глянул на жену. Агафья согласно кивнула.

– Пусть сватов шлют, у нас все припасено, вон – полные сундуки приданого.

– За кого я хочу, сватов не зашлет. Он и не знает, что должен на мне жениться, – Парашка, вся розовая от кипевшей злости, кусала губы. Озадаченные родители переглянулись.

– Эт кто такой? – первым не выдержал отец.

– Вы его знаете, – захлебнулась словами Парашка, боясь, что остановят ее, или посмеются над сокровенным желанием, – Егор это, Родионов. Она замолчала, ожидая решения отца. Тот озадаченно чесал бородку и не спешил высказаться. Зато мать поспешила: голодранец, не бывать такому. Откуда у них достаток? Досыта никогда не ели! Сестры его не замужем. Ты хочешь стирать на них, у печки стоять? Дома каши не сварить никогда! А там будешь свиней кормить.

Агафья вытирала сухие глаза кончиком платка, пытаясь показать, как жаль ей родное чадо отдавать в снохи. Ведь дома холили, лелеяли!

Парашка, не обращая внимания на мать, умоляюще взглянула на отца, ища поддержки. Евсей молчал раздумывая.

– Не отдадите за него, с собой чего-нибудь сделаю, – пообещала Парашка.

И столько было в ней решимости, что отец махнул рукой: пусть так будет. Денег наших и внукам хватит. А Егор он работающий.

– Только, что же? Самим свататься идти что ли? – усмехнулся он.

– Отец, сделай что-нибудь! Придумай! – чуть ли не молила Парашка.

В слезах она ушла в свою комнату, и долго еще доносились оттуда ее горькие рыдания, терзавшие душу любящего отца. Немного успокоившись, Евсей и Агафья за столом прикидывали, как бы залучить Егора, да не потерять собственное достоинство среди сельчан. Не прикажешь в самом деле, чтобы за долги женился на Параньке. С другой стороны – не посмеют Родионовы свататься за Параньку. Да им и в голову такое не придет. Вот тебе и «сделай что-нибудь!»

Пришедший домой с посиделок Алексей тоже был не в духе. Он весь вечер оглядывался на каждый скрип дверей. Проиграл всю карманную мелочь, но так и не дождался Дашиного появления. Мать с отцом укладывались спать, когда он ввалился к ним в комнату.

– Жениться хочу, – от двери объявил он.

Сидевший на кровати Наум в одном нижнем белье, привстал на кровати и озадаченно поскреб под рубахой.

– Жениться – это дело нужное. На ком, ежели не секрет? Паранька – невеста завидная, рано или поздно отойдет от дел Евсей, тогда развернуться можно, – у Наума загорелись глаза.
– Зачем мне она? – запальчиво произнес Алексей, – толстуха!
– Кого ж тогда сватать? – удивился отец.
– Дашку Данилову. Красивая она.
– В-о-н на кого замахнулся, – протянул Наум, – с хуторскими породниться! Красивая, слов нет, только, если она не захочет, не отдаст Михаил ее.
– Захочет, – пообещал Алексей, – сама еще просить будет, чтобы я на ней женился.
– Ну поглядим, – решил отец, – потерпи до весны.
Алексей перечить не стал. Согласно кивнул головой. Потерпит. Дашка того стоит.

Планы Алексея были просты. Вот подождет до весны, а там подловит в какой-нибудь балочке. Она в деревню ходит по степи, мало ли места, где можно застать ее одну. А потом уж не отвертится. Кто после на нее позарится? С такими легкими мыслями и уснул в этот вечер Алексей. Уже к утру возвращался в деревню Егор, хмельной от поцелуев, и, конечно, ничего не подозревавший о чужих планах. Повстречавшийся деревенский сторож, дед Демьян, прострекотал трещеткой над его ухом и, понимая, засмеялся: вот оно молодое дело, не спится по ночам. И мороз костей не ломит! Егор, улыбаясь в ответ, повернул в свою улицу. Сумерки уже окрашивались в малиновый цвет.

Словно невзначай, столкнулся на улице, непонятно откуда вывернувшийся мельник с отцом Егора – Дмитрием. Тот спешил к куму, с поллитрухой за пазухой для задушевной беседы. И уж никак не ожидал, что сам Евсей поздоровается с ним за руку. От неожиданности он не мог вымолвить ни слова.

Но Евсей первым завел разговор издали: про грядущее Рождество, про то, что вот надо в лавке наменять медяков – жена попросила, да купить городского табаку – самосад он на дух не переносит.

Дмитрий лихорадочно перебирал в уме: с какого такого перепоя мог бы мельник делиться с ним своими мелкими заботами? Так и не найдя причин, он неуверенно поддакивал Евсею, стараясь попасть с ним в ногу.

Тот шагал степенно, зная себе цену.

Порассуждал о цене на зерно в станице, о будущем урожае.

Дмитрий все ждал, когда же, наконец, мельник заговорит о главном? Он не сомневался, что у мельника в голове мыслишки хитрые таятся. Видно хочет, чтобы Егор поработал на него, а прямо не скажет, боится, что цену заломят, – не смог придумать другой причины Дмитрий. Уже более уверенный, он шагал рядом с мельником. – «Чего ж не поработать, Егор молодой, деньги нужны, вдруг надумает семьей обзавестись. Вот только надо сразу оплату повыше запросить, не промахнуться, а то мельник – тот еще куркуль – начнет торговаться.» Увлеченный своими мыслями, он не сразу понял, что мельник круто перевел разговор и говорит о его сыне.

– Егоруха спрашиваю, не собирается еще жениться? – повысил голос мельник.

– Какой там жениться, не обжился еще, опять же деньжат подкопить на свадьбу надо, – Дмитрий от неожиданности замедлил шаг, придумывая оправдание для сына.

– Ты вот что, Димитрий, – мельник пошел в наступление, – у тебя сын – вон какой молодец; у меня дочь – тоже девка не из последних, – он сделал паузу, раздумывая: стоит ли договаривать до конца, или собеседник сам догадается о чем речь? Но, глянув на совсем растерянного Дмитрия, мельник закончил:

– Так, что сватов засылай, мы супротив не будем.

Он, не оглядываясь, так же степенно, пошел вперед, как будто ничего и не предлагал оставшемуся в растерянности стоять на дороге Дмитрию.

– Мать честная, – тот ладонью вытирал пот с лица, – воистину неисповедимы пути твои, Господи. Чего же это? Выходит сватаются за Егорку. Да еще кто! Вот так сын! – ухмылялся он про себя. – Вот так времена: девки сами на шею вешаются! Ежели прикинуть с другой стороны, Егор должен доволен быть, ему и не приснилось бы жениться на дочке мельника, не с нашими капиталами, – горько усмехался Дмитрий.

Ободренный и озабоченный, он повернул домой, кум может и подождать, тут дела поважнее есть. Надо с сыном переговорить, нельзя откладывать, чай не каждый день такие люди предложения делают. Поди у мельниковой дочки женихов хоть пруд пруди. Он спешил домой, обрадовать сына, жену, да и самому порадоваться. Ведь в беспросветной этой жизни так мало радостей, а уж такие и совсем, как из сказки. Только не принц, а принцесса деревенская снизошла до бедняка. Не обметая валенок, он вломился в избу. Жена тут же накинулась на него: ты белены объелся что ли? На валенках снега сколько, растает, притирай тут за вами. Она еще долго бурчала, пока муж снимал полушубок.

– Тебя же черти к куму понесли? – удивилась Аграфена раннему возвращению мужа.

– Тут не до кума теперь! – возбужденно приглаживая мокрые от пота волосы, Дмитрий метался по комнате. – Егор где?

– Где ему быть. Не поднимался еще. До утра шастает по девкам, добудиться не могу. Воды в дом принести некому, – причитала женщина.

– Эх не до воды теперь. Буди его, разговор есть.

– Чавой-то? – удивилась Аграфена. Но допытываться не стала, прошла в переднюю и стала тряси сына за плечо: Егорка, там отец тебя требует, – тихо говорила она.

Егор нехотя приподнял голову. Поспать не дадут. Будто времени не будет для разговоров. Но все же натянул штаны и вышел к отцу, взлохмаченный в нижней рубахе.

– Прибрался хотя бы, – встретил его отец.

– Так мать говорит: ты по мне соскучился, – пошутил Егор. – Стряслось чего?

– Тут такое, такое, сразу и не обскажешь, – горячился отец. Егор терпеливо ждал.

– Ты об будущем думаешь? – Дмитрий пошел сразу в наступление, – ить жениться тебе надо!

– Думал. Но до осени обожду. Не срочно.

– Нечего до осени ждать, когда такие люди предложение нам делают, – загорячился отец.

Мать, стоящая у печи, прислушалась к разговору.

– Какие еще люди? Ты о чем отец? – не понял Егор.

– Об чем, об чем? Отказываться никак нельзя. Сам Евсей Григорич намекнул, что хотел бы видеть тебя своим зятем.

– Свят, свят, – перекрестилась Аграфена на висящие в переднем углу иконы.

– Молчи, старая, – перебил ее муж. – Тут такие дела... Не успел я из дому выйти, как повстречал его. Ты скажи-ка, он ведь и носа с мельницы не высовывает, а тут в лавку ему приспичило... – рассуждал Дмитрий.

– Чего ж тут интересного, – не понимал спросонья Егор.

– Свататься надо за Парашку! – вскинулся отец. – Не понимаешь что ли? Медлить нельзя, в другой раз не предложат.

– За Парашку? – Егор, наконец, начал соображать, – не-е-е, я другую приглядел.

– Другую? – отец не понимающе глядел на сына. – Я думал ты к вдовушке какой наладил. Всеми ночами пропадаешь.

Егор, собравшись духом, выпалил: Я на хутор хожу.

– Дак там девок, поди, нету, – удивилась молчавшая до сих пор мать.

– Есть у Даниловых, ты запомятовала старая, – поморщился отец.

– Ты про Дашку? Так молодая еще, ей годков семнадцать есть? – не сдавалась мать.

– После Рождества будет, – уточнил Егор.

– Ты про нее и не думай, – возмутился отец, – чего такого в ней нашел? Красивая, тут ничего не скажешь. А худая какая: ни спереди, ни сзади. У нее грудей нету, а дети пойдут... Ты на Парашку посмотри, все при ней. Титьки вон как торчат. А главное приданое какое. Мельница, не шутка.

– Даниловы не бедные, – заступился за любимую Егор.

– Но и не такие богатые, у Евсея не только мельница, у него денег куры не клюют. А дела с какими людьми имеет! Нам и не снилось! Чего ты, прилип к Дашке той?

– Я ее люблю, – тихо произнес Егор.

Отец взбеленился от такого непослушания.

– «Люблю, люблю», ты и думать о ней забудь. И Парашку полюбишь, как мельницу получишь, – заорал он. – Что это за любовь такая?

Он в сердцах хлопнул ладонью по столу: женишься и все тут, это мое последнее слово. Спорить с отцом Егор не стал, но кипевшая досада не давала сидеть на месте. Мать кинулась: поешь, сынок! Я быстро на стол соберу.

– Накормили с утрца! – Егор в сердцах сорвал полушубок с гвоздя.

Надвинув на глаза шапку и не застегивая полушубка, он выбежал из дома. Не успев отстыть от разговора с отцом, достиг ворот дома друга. Никита возился во дворе с телегой.

– Зима еще не кончилась, а ты телегу запрягать надумал, – невесело пошутил Егор.

– Э-э, – возразил Никита, – ты в городе совсем отвык от крестьянской жизни: у телеги колеса зимой проверяют, забыл? Он поднял голову от колеса и протянул руку другу: а ты что-то смурной с утрца. Тоже родичи донимают?

Егор махнул рукой: выспаться не дают. Давай закурим что ли?

– Я еще не завтракал, а ты уж за самосад. Нет, пошли в хату, маманя настряпала поди. Ты пост великий блюдешь? – Никита шагал к дому, уверенной походкой, не обремененный заботами. Единственными заботами для него были отцовские наказания, тот уже заставлял готовиться к весеннему севу. Беспокойный отец никому в семье не давал сидеть без дела. Всю жизнь суетился. Сам не мог и мгновения без работы посидеть и жене с детьми постоянно находил дела. Вот и сегодня с утра, придя с база, где управлял скотину, он увидел праздно сидевшего у печи сына. И сразу погнал его на улицу: надо бы телегу посмотреть, весна не за горами. Никита, решив, что отцу лучше не перечить, оделся и пошел во двор. Он для виду обошел телегу со всех сторон, попинал ее валенком, зная, что отец наблюдает из окна, как выполняется его наказ. Пришедший Егор отвлек его от бессмысленного занятия. На вмерзшую в снег телегу только и можно было смотреть. Какой смысл откапывать её в самом деле, чтобы ступицы посмотреть?

Мать Никиты, незаметная маленькая женщина, двигала в печи горшки.

– Мать, ставь на стол, что там у тебя в печи есть, – от порога заявил Никита, – видишь гости у нас. Женщина засуетилась: у нас только картошка нечищенная, да капуста квашеная – пост ведь теперь.

– Давай картошку, – скомандовал Никита – а то нам с Егоркой армейская каша надоела. Дома и картошка слаще городских конфет.

Мать быстро ставила на стол нехитрую снедь. Обжигаясь горячей картошкой, Никита перекидывал ее с руки на руку, весело поглядывая на друга.

– Что-то ты, дружище, невеселый? Заботы одолели? Мать, а там нету у тебя «колыванихиной»? – переключился он на хозяйку. – Вон Егор не отказался бы от рюмашки.

– Сынок, да Бог с тобой, с утра...!? – укорила его мать.

– Пошутил я, – усмехнулся Никита.

– Да и то сказать, – встрял и отец, – делов вон: невпроворот, не до выпивки. Никита и Егор, переглянувшись, улыбнулись: отец долго теперь будет перечислять дела, которые, если

и можно переделать, так не иначе, как за год. Настроение у Егора приподнялось: хоть здесь не заставляют жениться. Остывшая картошка уже не так обжигала ладони, капуста, заправленная каплей постного масла, весело хрустела на зубах.

– Вот и говорю вам, – продолжал отец, – волков постреляли бы. Вон у Сидоркиных солому на катухе разрыли, да овец порезали. Утром пришел Николай скотину убирать, а они, сердешные, лежат холодные уже. Всех и утащить не смогли. Вы вечером не к Августине шли бы, а затаились бы в стоге сена, глядишь, и поугадили бы серых.

После завтрака Егор и Никита курили на улице самосад, весело беседуя о своих секретах.

– А давай посидим в засаде вечером.? Поохотимся, – предложил Никита. Бердан у нас есть. Пуганем волков, может и поотстанут, а то сладу нету с ними. Егору не хотелось мерзнуть в ожидании волков. Тянуло на хутор, к Даше. Недавно зародившееся чувство не давало покоя, занимало все мысли. Утренний разговор с отцом отодвинулся в глубь сознания: ведь он не мальчишка, чтобы подчиняться безропотно, Егор сможет постоять за себя. Если не удастся переубедить отца – уйдет из дома, пойдет батрачить. Но от Даши не откажется. Посидеть с другом в засаде он все-таки согласился. Всё легче, чем слушать рассуждения отца о выгоде женитьбы на Параньке, да видеть мать, украдкой вытирающую слезы. Она, не согласная с мужем, перечить ему боялась, а сына было жалко. Егор понимал, что дома спокойствия теперь не видать.

– Давай вечером у Дятловых в соломе посидим, – предложил Никита.

– Почему у них?

– Эх, охотник! – Никита недовольно посмотрел на друга, – волки, они ушлые, в одно место два раза не полезут. А Дятловы на другом конце живут. Вот и прикинь, куда серые полезут.

Егор озадаченно посмотрел на друга: думаешь, ты умней их?

– Ты поговори, поговори! – Никита толкнул друга в плечо, – вот добуду волчью шкуру! Разговоров на посиделках будет! – он мечтательно улыбался.

Молва, что сорная трава: появляется, где хочет, и ничего с ней нельзя поделывать. Живет себе сколько хочет, то затихая, то разрастаясь. А главное – нельзя от нее нигде укрыться. Не зря говорят, что стоит чихнуть на одном конце деревни, на другом здоровья желают. Егор и Даша пытались скрыть свою зарождающуюся любовь от любопытных глаз. Но их отсутствие на посиделках было отмечено всем молодым обществом деревни. На хуторе тоже глаза есть. И вот уже около колодца кумушки перетирают очередные молодые косточки.

– Ну надо же, – удивлялась Любка Поставничева, вездесущая молодка, пересказывая свежую новость, – Егор под утро с хутора пришел. Видел его дед Демьян, вот не стоять мне на этом месте, – бойко стрекотала она. Женщины, пришедшие за водой, окружили ее, всем была интересна свежая новость. От кого мог Егор возвращаться?

– Ошибся, может, дед? На хуторе под его возраст никого и нет. Там замужние все, – сомневалась немолодая Верка Павлова.

– Как же нету? – догадалась Таисия, – а у Даниловых девка. Помоложе его, конечно, но пары лучше не найти, они друг другу подходят.

– И то, бабы, – с завистью в голосе перебила ее засидевшаяся в девках Фекла, – Дашка вон красавица какая, ей в нашей деревне женихов под стать нету, окромя Егора.

Бабы единогласно согласились с ее мнением: да, словно созданы друг для друга. Уж такие пригожие оба!

Сплетня эта, зародившись, понеслась гулять по деревне. Никакие силы не могли теперь остановить ее. В сознании деревенских жителей эта пара была одобрена и теперь была неразлучной.

–

Видимо, свадьбу ожидать к масленице, – говорили в деревне. А какие могут быть препятствия, если их Господь друг для друга создал? Может Катерина и будет ухватами греметь недовольная, дак разве Мишка пойдет против дочери? А уж Аграфена с Дмитрием только рады будут породниться с хуторскими. Дашка в дом придет не с пустыми руками.

В деревне быстро решили судьбу молодых людей.

Никита и Егор лежали, закопавшись в солому, в ожидании волчьей стаи. В том, что животных режет стая, они не сомневались. Разве можно так нагло уложить с десятков овец? Прошло уже порядочно времени, начали мерзнуть руки и ноги, а волки не появлялись.

– Видимо, на хутор подались, – решил неугомонный Никита. Ему наскучило бесполезное сидение в засаде. Он перевернулся и попытался сесть. Глаза его сразу заметили на крыше сарая здорового волка. Тот успел разрыть в соломе на крыше сарая небольшую дыру и теперь, опустив морду, принохивался к запаху, доносившемуся из сарая, не опасаясь, что может быть застигнут. Ненаказанный за прежние дерзкие нападения на сараи, он и здесь ожидал легкой добычи. Никита замер, боясь спугнуть зверя. Безветренная ночь давала некоторое преимущество охотникам. Одинокий волк не мог уловить запах человека. Никита схватил бердан и прицелился. Его движение долетело до чуткого волчьего уха. Никита, наконец, нажал на курок. В это мгновение волк темной тенью метнулся вниз. Выстрел гулким эхом пронесся по степи. Вслед прогремел второй, послышалось громкое ругательство. Еще несколько выстрелов раздались вслед ускользнувшему хищнику. Но тот словно провалился в кромешной тьме. Друзья не видели его убегающим. На свежем снегу не осталось следов. Никита распекал своего друга: ладно я повернулся, а ты, как пропустил его? Куда он с крыши сиганул? Егор растерянно молчал, он тоже не мог объяснить появление серого, а уж тем более его внезапного исчезновения.

– Не иначе проделки Агафьи, – решил Никита, – про нее все говорят, что она колдунья.

– Да брось ты, что она в волчицу обернулась что ли? – усомнился Егор.

– А ты не заметил? Там волчица стояла на катухе, – не унимался Никита, – Агафье раз плюнуть, хоть в кошку, хоть в волка обернется. Ты, прямо, как новорожденный, не слышал про нее, – возмущался Никита.

Егор с детства помнил рассказы о тетке Агафье. И, как все деревенские жители, он верил и не верил в колдовские её способности. С одной стороны – раз говорят, значит знают про нее, но ведь за руку не поймал никто?

И все же, вылезая из соломы, он не мог не задеть друга:

– Вот на посиделках разговору будет! – улыбнулся Егор, – такую шкуру упустили!

– Из-за тебя все! – не сдавался Никита.

Напрасно Даша выходила за околицу в ожидании Егора.

Тот, не особенно огорченный неудачной охотой, укладывался на печку. Идти на хутор было поздно, завтра он все объяснит Даше и, они вместе посмеются над незадачливыми охотниками. Даша, лежа на узкой девичьей кровати, придумывала причины, по которым он не смог прийти. Так и не придумав ничего, что могло бы оправдать Егора, она забылась тревожным сном.

Бабка Авдотья возвращалась от сына Петра, куда ушла еще вчерашним вечером. Скоро праздник, надо навести в доме сына порядок женской рукой. С Лизки, что возьмешь? Кругом пыль, да нестираное белье. Бабка весь вечер стирала в хате сына, просить об этом сноху Катерину, или внучку она не стала. Сама еще в состоянии помочь сыну. Катерина и так хмурится, стоит только заговорить о Петре. Авдотья была довольна. Перестирала, прибралась, полы вымыла так, что блестят. Теперь не стыдно будет Петру, если кто христомлавить забежит. Она дошла почти до калитки, когда окликнула ее Мария, мать Харитона, видимо только пришедшая из деревни.

– Авдотья Алексеевна, доброго здоровья, откуда спозаранку?

– У Петра ночевала. Доброго и тебе здоровьица, – поздоровалась бабка Авдотья. Заботы у нас с тобой похожие. Тоже пришла помочь Харитону?

– А как же, надо детишек искупать. В хате тоже прибраться. Мужик, он и есть мужик, сам и шей не сварит. А детишкам горячего надо. Я было прихворнула, а нынче оклемалась вот немного, приковыляла. Никак не уговорю его жениться. За детьми догляд был бы, – вздыхала Мария. Но другая мысль, вдруг пришедшая на ум, заставила ее хитро улыбнуться.

– А вы к свадьбе не готовитесь еще?

– О чем ты? Кого нам женить? Ребята не доросли еще, – удивилась бабка.

– Алексеевна, неуж не знаешь? Дашка ваша с Егором гуляет. Вся деревня говорит. Ой, так до хутора пока дойдет, – подмигнула Мария, – Побегу я, вон внуки окно облепили, ждут, – заспешила соседка.

– Иди-иди, – поджала губы бабка Авдотья. В избу она вошла, не поздоровавшись. Молча раздевалась у порога. Стряпавшей у стола Катерине и сидевшему у печи деду Василию стало ясно: поругалась бабка с сыном. Должна была теперь бабка влезть на печь, да и просидеть там молча целый день. Никакие уговоры невестки, или мужа не могли заставить бабку слезть с печи даже пообедать. Никто первым не решился с ней заговорить. Как говорил в таких случаях дед Василий : перегорит, зола будет. Позже сама Авдотья расскажет, чем не угодил старший сын.

Но сегодня вопреки ожиданию, бабка Авдотья уселась на сундук около двери и не произнесла ни слова уставилась в пространство перед собой. Зная ее строптивый нрав, дед кряхтя подкидывал в печь поленца и искоса поглядывал на благоверную. Однако долго молчать бабка не смогла, ее так и распирало от принесенной новости. С улицы вошли Михаил, и старший внук Лука, управлявшие скотину.

– Зорька вот-вот отелиться должна, пить не стала, – сообщил ничего не подозревавший Михаил.

– Рано вроде, – в сомнении произнес дед Василий, – да и морозы вон какие, не ровен час, замерзнет телок. Смотреть надо. Ночью по очереди ходить будем.

Бабка, не выдержав невнимания со стороны родни, недовольно фыркнула:

– Полон дом людей, а уследить не может никто.

Вступить с ней в препирательство решился только дед. Решив, что жена достаточно перегорела и теперь можно выведать причину недовольства, он спокойно произнес:

– Как же уследишь? Стоять возле нее что ли? По очереди и будем наведываться в сарай.

Из боковушки вышла заспанная Даша, с печки выглядывали младшие братья. Всем было интересно ежегодное рождение теленка. Его заворачивали в старый тулуп и приносили в хату, иначе он мог бы замерзнуть в сарае. Каждый год корова приносила приплод, и каждый год с нетерпением вся семья ожидала его. Беспомощность новорожденного приводила в восторг детей. Все вместе они учили его пить молозиво, поочередно окуная упрямую голову в ведро. Вот и теперь они прислушивались к разговору взрослых. Скоро будет новая потеха. Но бабка, решив, что обделена вниманием, не выдержала:

– Только о хозяйстве и думаете, о детях подумали бы!

Домочадцы удивленно переглянулись: не иначе от Лизки безумием заразилась. Дети все дома, здоровы, слава Богу.

Но бабка не унималась:

– Ты вот, Катерина, всё соринки на полу ищешь. На дочь бы внимание обратила. Выросла она, жених вон объявился у нее, а вы со своей коровой, – укорила бабка сноху и сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.